

УДК 394.91; 908; 930.2; 323.111

Степанов В. П.,
*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
института славяноведения РАН, зав. каф. социальных наук и
этнонациональных процессов,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

**Бессарабский молдаванин в трудах русских авторов
XIX – начала XX в.
(этноисториографический очерк)**

Продолжение (начало в предыдущем номере журнала «Abyss» №1 (19) 2022)

***Посвящается памяти
яркого историка современности –
Владислава Якимовича Гросула
(11.02.1939 – 14.01.2022)***

Во второй части монографического очерка уделяется внимание анализу отдельных трудов, написанных русскими авторами в разные периоды XIX – начала XX вв. о молдавском населении Бессарабии, присоединенной к Российской империи по итогам русско-османской войны 1812 года. Отмечается заинтересованность представителей различных военных, промышленных, политических структур в освещении образа коренного жителя края. Основная масса описаний, в общем, характеризуется доброжелательностью, наряду с которой прослеживаются отдельные высокомерные высказывания в адрес местного населения. Последнее можно объяснить значительной социальной дистанцией между авторами работ XIX – начала XX вв. и основной крестьянской массой, которая, собственно и выступала фоном для освещения. Даже между местной молдавской элитой и русским дворянством первоначально также прослеживалась немалая отдаленность.

XIX – начало XX вв. – время динамики национализма в Бессарабии, развития и укрепления молдавского национального самосознания. Этому способствовали внешние и внутренние причины. Внешним фактором выступал раскол молдавских земель по р. Прут. К внутренним, уже бессарабским реалиям следует отнести наличие значительной социальной дистанции между частью национальной молдавской интеллигенции, которая зачастую не проводила границу между запрутскими и бессарабскими молдаванами (поэтому М. Еминеску, К. Негруци и мн. др. выступают классиками культурной элиты и в соседней Румынии), и малограмотным, в основном сельским молдавским населением, которое больше подвергалось воздействию российского законодательства и слова Божьего. Этому же способствовала традиция формирования управленческой элиты из русских

чиновников и офицеров и лояльного молдавского дворянства, которая создала условия для вовлечения молдаван в русскокультурное поле.

Формированию позитивного образа России и русских в немалой степени способствовала и местная церковь. В книге уделяется внимание освещению личностей митрополита Гавриила (Бэнулеску-Бодони), протоиерея Петра Куницкого. П. Куницкий одним из первых изложил на бумаге характеристику молдавского народа, к которой неоднократно обращались авторы XIX – начала XX вв.

Отдельно автор останавливается на роли и значении отражения образа молдаванина в разных жанрах русской художественной литературы рассматриваемого периода. В монографии анализируются произведения А. Ф. Вельтмана, И. С. Аксакова А. С. Афанасьева-Чужбинского, О. Е. Накко.

Автор предлагает читателю собственную периодизацию, сложившуюся в XIX – начале XX вв. в освещении русскими исследователями молдавского народа.

Ключевые слова: *Бессарабия, русские авторы, митрополит Гавриил, П. С. Куницкий, П. П. Свиньин, И. П. Яковенко, Ф. Ф. Вигель, Н. И. Надеждин, И. П. Липранди, А. Ф. Вельтман.*

Stepanov V.P.,

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Head. cafe Social Sciences and Ethno-National Processes,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

**Bessarabian Moldavian in the works of Russian authors of the 19th -
early 20th centuries
(ethnohistoriographic essay)**

Continued (beginning in the previous issue of Abyss magazine №1 (19) 2022)

***Dedicated to memory
bright modern historian -
Vladislav Yakimovich Grosul
(02.11.1939 – 01.14.2022)***

The monographic essay focuses on the analysis of individual works written by Russian authors in different periods of the 19th - early 20th centuries, about the Moldavian population of Bessarabia, annexed to the Russian Empire, following the results of the Russian-Ottoman war of 1812. The interest of representatives of various military, industrial, political structures in highlighting the image of the indigenous inhabitants of the region is noted. The bulk of the descriptions are generally characterized by benevolence, along with which there are some arrogant statements addressed to the local population. The latter can be explained by a significant social distance between the authors of the works of the 19th - early 20th

centuries. and the main peasant mass, which, in fact, acted as a background for lighting. Even between the local Moldavian elite and the Russian nobility, there was also initially a considerable distance.

19th – early 20th centuries - the time of the dynamics of nationalism in Bessarabia, the development and strengthening of the Moldovan national identity. This was facilitated by external and internal reasons. The external factor was the split of the Moldovan lands along the river. Rod. The already internal Bessarabian realities include the presence of a significant social distance between the national Moldavian intelligentsia, which often did not draw a line between the Zaprut and Bessarabian Moldavians (therefore, M. Eminescu, C. Negruzzi and many others act as classics of the cultural elite in neighboring Romania as well) , and the illiterate, mostly rural Moldovan population, which was more exposed to Russian legislation and the word of God. This was also facilitated by the tradition of forming a management elite from Russian officials and officers and loyal Moldavian nobility, which created the conditions for the involvement of Moldavians in the Russian cultural field.

The formation of a positive image of Russia and Russians, to a large extent, contributed to the local church. The book focuses on highlighting the personalities of Metropolitan Gabriel (Banulescu-Bodoni), Archpriest Peter Kunitsky. P. Kunitsky was one of the first to put on paper the characteristics of the Moldavian people, which was repeatedly addressed by the authors of the 19th - early 20th centuries.

Separately, the author dwells on the role and significance of reflecting the image of a Moldavian in various genres of Russian fiction of the period under consideration. The monograph analyzes the works of A. F. Veltman, I. S. Aksakov, A. S. Afanasiev-Chuzhbinsky, O. E. Nakko.

The author offers the reader his own periodization, which took shape in the 19th - early 20th centuries. in the coverage of the Moldavian people by Russian researchers.

Key words: Bessarabia, Russian authors, Metropolitan Gabriel. P. S. Kunitsky. P. P. Svinin. I. P. Yakovenko. F. F. Vigel. N. I. Nadezhdin. I. P. Liprandi. A. F. Veltman.

II. Офицеры Генерального штаба.

Офицеры Генерального штаба – С. И. Корнилович, Н. М. Дараган, А. И. Защук, А. Шмидт.

Амбиции двух империй не ограничивались результатами военной компании 1853–1856 гг., ситуация подстегивалась и национальным движением, активизировавшимся за Прутом в 60–70-х гг. XIX в. Поэтому вполне объяснимым является привлечение русских офицеров для описания пограничных регионов юго-западных окраин империи. Собственно, внимание к Бессарабии со стороны военных проявляется еще с событий, связанных с 1812 г.

С. И. Корнилович. Вышедшее в конце XIX в. «Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака» было посвящено вновь приобретенной Россией территории и описывало ее состояние периода 1812–1828 гг. [Корнилович, 1899].

Корнилович справедливо отметил изменение населения края в связи с уходом османов, подчеркнув, что во время турецкого владения «Бессарабия, собственно так называемая, или Буджак» значительно были населены татарами и турками, «между коими обитала малая часть молдаван в селениях, лежащих по Днестру и Пруту» [Корнилович, 1899: 17]. По справедливому наблюдению С. И. Корниловича, в крае изменился состав населения. К проживавшим в Бессарабии молдаванам присоединились соотечественники молдаван из-за Прута, а также задунайские переселенцы – болгары и гагаузы (Корнилович называет только болгар), россияне, иностранные немецкие поселенцы и др.

Говоря о молдаванах, Корнилович упоминает средневековое название восточных романцев – волохи [Корнилович, 1899: 17-18].

Здесь же приводится легенда о Драгоше, который во время охоты назвал речку «Молдой», а его народ стали называть молдаванами.

Характеристика, даваемая С. И. Корниловичем молдавскому населению, достаточно критична и носит односторонний характер – «молдаване нраву тихого, в хозяйстве не трудолюбивы, склонны к праздной жизни, к корыстолюбию, не образованы, просты и в сожительстве не постоянны. Все вообще греческого исповедания. Всякий имевший случай общения с молдаванами, может легко убедиться о худой нравственности их» [Корнилович, 1899: 19].

Читатель еще будет иметь возможность столкнуться с подобными высокомерными характеристиками жителей Бессарабии. По ходу ознакомления с материалом будет также возможность понять, почему ряд авторов давал подобную характеристику местным жителям и с чем это связано.

Описание С. И. Корниловича комплексно знакомит читателя с географической спецификой края, его природными характеристиками. Отдельно автор останавливается на народных занятиях, описаниях цинутов (уездов), находящихся в Бессарабии «народных и гражданских учреждениях».

За 1848-1858 гг. было подготовлено порядка шестнадцати описаний различных территорий Российской империи. К концу 50-х гг. офицеры Генерального штаба охватили исследованиями большую часть губерний и областей. С 1860 г. описания стали выходить по несколько томов в год, под общим заглавием «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». Согласно данным крупного российского дореволюционного историка А. Н. Пыпина, к 1865 г. вышло уже более 20 описаний разных губерний и областей по общему плану [Пыпин, 1891: 306], который был составлен в 1858 г. при департаменте Генерального штаба. Кстати, до конца Второй мировой войны данные материалы были засекречены.

Возвращаясь к трудам русских авторов, писавших о Бессарабии и молдаванах, следует назвать труды двух офицеров: Н. М. Дарагана и А. И. Зашука. Оба автора – офицеры Генерального штаба.

Н. М. Дараган. Книга Николая Михайловича Дарагана увидела свет в 1849 г. [Дараган, 1849]. Это было начало периода осмысления царским правительством итогов революционных событий в Европе, в том числе и в ее юго-восточном направлении.

Работа включает в себя пять разделов: общий взгляд на Бессарабскую область; местность; жители; промышленность; образованность; специальные сведения.

Автор подчеркивает особое, стратегическое месторасположение края: «...Политическое положение Бессарабии, как пограничной области государства, недавность присоединения ее к России Бухарестским трактатом 16 мая 1812 года, стратегическая важность баз и операционных линий, ею представляемых, делают в ней необходимым постоянное расположение войск» [Дараган, 1849: 1]. Подобный взгляд на Бессарабскую область во многом объясняет повышенное внимание военных к данной территории.

Давая характеристику Бессарабии, Н. Дараган разделяет ее «на две совершенно разнородные половины. Северная и средняя ее часть населены преимущественно жителями молдавского происхождения, а в северо-западной части Хотинского уезда и по берегам Днестра русняками, перешедшими из Галиции и укоренившимися здесь с давнего времени; южная составлена из новых переселенцев различного происхождения: велико-россиян, казаков, некрасовцев, болгар, молдаван, волохов, сербов, армян, швейцарцев, вертемберцев, баварцев и проч., подчиненных даже разным направлениям. Города и местечки занимают преимущественно евреями, в обеих частях Бессарабии. Кроме того, в Бессарабии, особенно южной, находится значительное число иностранцев: они занимаются управлением колониями, ремеслами и торговлею» [Дараган, 1849: 99-100].

В свойственной авторам XIX в. манере автор представляет образ молдаванина: «...Молдаваны народ кроткий и ленивый, но не лишенный способностей: ума более замысловатого, нежели остроумного, более хитрого, нежели смышленного; характера более спокойного, нежели предприимчивого; страстей более сильных и быстрых, нежели глубоких и продолжительных; черты лица, большею частью красивые и правильные, имеют довольно резкий, отличительный тип, напоминающий южные физиономии» [Дараган, 1849: 99]. Одновременно автор применяет этноним «румыны» и глотоним «румынский язык»¹, что дает основание сторонникам румынофильских взглядов использовать слова автора в подтверждение своей концепции [Долгий, Феля, 2018: 37-38].

В книге достаточно обстоятельно представлена культура повседневности молдаван², обращается внимание на специфику сезонных работ молдаван, подчеркивается своевременность введения правового регулирования взаимоотношений между владельцами земли и «царанами» (крестьянами) [Дараган, 1849: 103].

Весьма показательно выглядит описание Дараганом привилегированного сословия бессарабских молдаван, рисуемого в середине XIX в., в основной своей массе инертным и глубоко законсервированным. Кстати, допустимо предположить, что именно благодаря этой инертности и законсервированности основная часть молдавской элиты оказалась мало вовлеченной в процесс румынизации сознания, прежде всего внутри своего сословия: «Обращаясь к владельцам помещикам в Бессарабии, нельзя не сказать, что кроме тех лучших бессарабских фамилий, которые остались в Бессарабии с присоединением ее к России и к которым принадлежат князья Кантакузины, Гики, Балшь, Стурзы, Рознаваны, Катаржи и проч., весьма немного находится в крае древних аристократических родов. Большая часть мелких владельцев принадлежит к низшему классу, из которого они вышли, пользуясь стечением обстоятельств во время смутного времени войн, и когда еще совершенный порядок не водворился в управлении. Оттого они живут, большею частью уединенно, в прежних привычках и с прежними понятиями, не улучшая своего быта, не сохраняя должной положительности в своих делах. Их дворянские выборы еще далеки от того порядка, который начертан в законе, между тем как из 4239 дворян, числящихся в крае, только 98 человек имеют право участия в выборах. Должно, однако же, прибавить, что время и стройность нынешнего правления обещают, по крайней мере в молодом поколении, и из среды мелких дворян, людей образованных» [Дараган, 1849: 105].

Рассуждая об образовании, автор демонстрирует подход, свойственный российскому аппарату управления, который распространял принцип унификации населения на окраинах российской империи, в том числе и в Бессарабии, основываясь, прежде всего, на религиозной идентичности. Так, давая характеристику местному населению, автор прежде всего фокусирует свое внимание на распространении греко-российских православных обрядов среди массы поселенцев края: «Кишиневская епархия приобрела уже много новых христиан в задунайских переселенцах. Ныне под ведением ее находится более семисот тысяч христиан разных племен, обычаев и наречий. Русские, молдаване болгары, русняки, некрасовцы, составляющие народонаселение Бессарабии, подчинены одной консистории и одному архиепископу. Обряды молдаван и болгар нисколько не различествуют от обрядов грекороссийской церкви, несмотря на столь долгое их разобщение, если исключить их неприятный напев в нос, взятый от греков, да еще некоторые, самые незначительные отступления, как, например, ударение в било, особые клобуки монахов и проч. На свадьбе, крестинах, похоронах, на святки и в некоторые другие праздники есть между этими племенами свои народные обычаи, имеющие однако же общие славянские черты. Особенных обрядов, заслуживающих здесь описания, которые бы имели влияние на нравственность народа, нет ни у молдаван, ни у болгар, ни у русняков. Как люди еще необразованные, они суеверны: но между ними нет также ни особенных поверий, ни преданий, ни даже мест, особенно чтимых народом, куда бы стекались из многих селений на поклонение <...> это должно

приписать именно тому, что племена здесь поселенные, не искони живут в Бессарабии, служившей поприщем многих различных народов. Для русских, болгар, для молдаван даже, Бессарабия имеет мало национально-исторического интереса» [Дараган, 1849: 138].

Из приведенной цитаты видно, что автор ни на йоту не отходит от поставленной цели – дать описание местности и населения на предмет его лояльности и возможности взаимодействия в случае военных действий. Н. М. Дараган, делая упор на общую православную идентичность большей части населения края, не сильно углублялся в изучение традиционно-бытовой народной культуры. Обращает на себя внимание ошибочное отнесение молдаван к некоренному населению края, равно как отсутствие у них «национально-исторического интереса» к родной земле. Подобное голословное высказывание вызывает, по меньшей мере, недоумение.

Собственно мнение, прозвучавшее в книге, можно было бы рассматривать как личную ошибку отдельного автора ³, другое дело, когда речь идет о серии «Записок офицеров Генерального штаба»: в этом случае, подобное высказывание приобретает уже, по крайней мере, ведомственную точку зрения. Напомним, что в России позиция военных всегда пользовалась особым весом.

Показательны высказывания Н. Дарагана о состоянии образования в крае. К середине XIX столетия в Бессарабии уже функционировали «гимназия, с учрежденным при ней благородным пансионом, семинария, училище для детей канцелярских служителей, 6 уездных и 11 приходских и ланкастерских училищ. Частных пансионов 11, из коих «4 мужских, 7 женских и 1 еврейское». Кроме того, в колониях и казенных селениях имеется 111 приходских училищ и 55 сельских школ, и 1 учебное заведение у графини Едлинг, в котором воспитывается 30 мальчиков и 14 девочек. В этом отношении болгары и государственные крестьяне далеко опередили жителей молдавского происхождения, между которыми ни образ жизни, ни довольство не заставляют еще чувствовать необходимости грамотного воспитания <...> Число учащихся к числу жителей области относится, как 1:80. Это чрезвычайно мало; но если исключить 500 тысяч молдаван, то выйдет, что из грамотного населения Бессарабии 1/30 учащихся в самой области⁴. Это показывает, что заведений для обучения, по требованию народа весьма достаточно, и остается только желать, чтобы молдавское народонаселение достигло скорее того благосостояния, которое допускает уже систематическое умственное развитие и рождает в нем потребность» [Дараган, 1849: 140 - 141].

Комментарии Н. Дарагана в отношении молдавского населения вполне могут вызвать возмущение у неподготовленного читателя. Но его взгляд на местное население подтверждает наш комментарий, прозвучавший выше, о пренебрежительном отношении центральных властей и отдельных их представителей к народам окраин, вне зависимости от их месторасположения. Бессарабия – не исключение. В немалой степени на подобном отношении сказывалось владение населением русским языком. Чем меньше владел народ русской речью, тем критичнее его оценивали русские чиновники. Болгары,

русины/руснаки и малороссы ⁵ находились в этом отношении в более выгодном положении, в связи с тем, что, являясь славянскими народами, легче приобщались к русскому языку. Немалое значение имел язык, на котором велись службы в церкви. В молдавских селах это был родной молдаванам язык.

В рукописных материалах Одесского общества истории и древностей ЦНБ НАН Украины им. Вернадского хранится рукопись В. Курдиновского «Легенды в Бессарабии» [Курдиновский Ф. V. Д. 800]. Будучи сам богослужителем, автор подметил в ней один из конкретных механизмов ассимиляции русинов Бессарабии, или, как писал он, омолодавания села: «Поп-молдаванин, десятки лет священствуя в малорусском селе, не научивается говорить по-малорусски, а приход его <...> научается молдавской речи, и дети уже часто забывают малорусскую речь родителей своих». Ситуацию подобного рода он отмечал даже «в отдаленных <...> селах Хотинского уезда» [Курдиновский Ф. V. Д. 800].

В продолжение разговора можно вспомнить еще один показательный пример из творчества классика украинской литературы Михаила Коцюбинского. В одном из произведений его «Бессарабского цикла», в рассказе «Пе-коптьор», при описании взаимоотношений молодых людей в молдавском селе, приводится диалог юноши с его девушкой, в котором молодой человек хвастается подруге, что уже выучил армейские команды на русском языке ⁶.

Кстати, сохранение определенных льгот, в том числе в использовании молдавского языка, способствовало сохранению языковой дистанции, особенно в общении безграмотных в основной своей массе селян-молдаван с государственными чиновниками и администрацией.

На языковом восприятии сказывалась и политика царской России. С 1828 г. ограничено хождение и использование молдавского языка в Бессарабии, а с 1873 г., после присвоения ей статуса губернии, преследования языка ужесточились. В частности, выпускавшиеся с 1859 г. «Бессарабские областные ведомости» достаточно длительное время были двуязычными, выходявшими на русском и молдавском языках. Когда же они стали именоваться «губернскими», публикации на молдавском языке и вовсе прекратились. Такая же ситуация сложилась и с первым молдавским журналом «Бессарабские епархиальные ведомости» (начал издаваться с 1867 г.), первое время печатавшимся тоже на двух языках. Примерно в это время на Украине с 1863 г. было запрещено использовать «малорусский язык» [Наулко, 1965: 31]. На этом дело не остановилось, и 30 октября 1884 г. было разослано секретное распоряжение, призванное ограничить использование «малорусского наречия» [Кузьменко, 1967: 175]. До 1918 г. в Бессарабии не уделялось достойного внимания как молдавскому языку, так и, как мы сказали бы сейчас, языкам национальных меньшинств [Грек, 2002].

А. И. Защук. Еще один исследователь в погонах – А. И. Защук ⁷, автор двухтомного труда «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область». Книга

увидела свет в 1862 г. Скрупулезность и глубокое вникание в суть изучаемых вопросов, а также красивый стиль изложения материала сразу обращают на себя внимание читателя. Есть еще одна важная деталь. Работу отличает научный подход, это становится видно уже по предисловию, где А. И. Защук приводит историографию печатных работ и источников, опираясь на которые он подготовил книгу⁸.

Описание Бессарабской области включает в себя следующие разделы: деление области; физические свойства поверхности; гидрография; пути сообщения; климат; естественные произведения (речь идет о местных культурных растениях, животных и полезных ископаемых); жители; промышленность (раздел включает в себя характеристику сельскохозяйственной промышленности, мануфактурной промышленности, торговли); образовательность (раздел «образовательность» освещает состояние религиозного и гражданского образования); отдельно рассматривается состояние нравственности местного населения (автором осуществляется анализ совершенных преступлений).

Далее автор останавливается на освещении «внутреннего и внешнего быта жителей Бессарабии», знакомя читателя с традиционно-бытовой культурой молдаван.

Последний раздел первой части «Материалов для географии и статистики» А. Защука о Бессарабской области посвящен «особым учреждениям Бессарабской области». Читатель получает возможность познакомиться с описанием положения и основных характеристик традиционной культуры и быта задунайских переселенцев, немецких колонистов, государственных крестьян.

Завершает изложение первого тома описание различных сторон жизни и повседневности Новороссийского казачьего войска.

Второй том, или, как его обозначил А. И. Защук, – вторая часть «Материалов для географии и статистики России» подробно освещает управление краем. Рассмотрение данного вопроса автор осуществляет, давая характеристику организациям по их принадлежности к различным государственным ведомствам (Министерство культуры, Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство народного просвещения, Министерство государственных имуществ, Духовного управления, Военного ведомства, Ведомства путей сообщения и публичных зданий, Почтового ведомства).

Отдельно рассматриваются городские, уездные и окружные учреждения по ведомственной принадлежности. Представлены разделы с анализом податей и налогов. Там же представлены сведения о городах и селениях края [Защук, 1862а].

Несмотря на некоторую громоздкость и разбросанность материала, собранные А. И. Защуком сведения о Бессарабии представляли в середине XIX в. наиболее полную и, самое главное, комплексную картину состояния области.

Повествуя о молдаванах, Защук относит их к потомкам романизированных даков, излагая, собственно, теорию континуитета. Автор констатирует: «...Самое название румыны (римляне), сохраняемое молдавским племенем, дают повод считать их происхождение западным» [Зашук, 1862: 152]. При этом автор подчеркивает, что «происхождение молдавского племени до сих пор составляет предмет, не вполне разрешенный историческими изысканиями» [Зашук, 1862: 152].

Продолжая эту мысль, он дает краткую этнопсихологическую характеристику молдаванам: «это племя мирное, покойное, до сих пор не могущее забыть долгих веков угнетения; его грустное прошедшее равно отзывается в народных легендах, поверьях, и звучит в вечно унылых песнях, бесконечных, как века пережитого ими горя» [Зашук, 1862: 152].

Здесь же А. И. Зашук обращает внимание читателя на наличие еще одного этнонима, объединяющего восточнороманское население края – «волохи». Исследователь подчеркивает, что этим термином пользовались соседние народы (поляки, венгры) для обозначения румын, «как и всех итальянцев». Говоря об аспаруховых болгарях, которые «первые, придя с берегов Волги в эту часть Мезии, обозначили этим именем тех земледельцев и пастухов, с которыми входили в сношения. Это же слово, принятое всеми народами славянского корня: поляками, кроатами⁹, богемцами и другими и применявшееся ими без разбора к древним римлянам и к латинским племенам, в средние века сделалось производительною причиною имени валахов или валахов, присвоенного большей части обитателей Румынии» [Зашук, 1862: 153]. И далее автор продолжает: «Русские же называют румынов – молдаванами, по названию княжества <...> Бессарабские молдаване говорят испорченным латинским наречием, с примесью слов славянских. Язык их имеет корень латинский и удержал, в своем основании, более оригинальности древнего римского, нежели итальянский» [Зашук, 1862: 153]. Автор обратил внимание на сильное славянское влияние на язык молдаван посредством контактов со славянскими народами и через православную религию, использующую славянский алфавит «со времени владения князя Александра Доброго и молдавского митрополита Феоктиста» [Зашук, 1862: 153]. Зашук подчеркнул, что долгое время «все церковные книги употреблялись славянские <...> судебные акты и княжеские грамоты также писаны были по-славянски» [Зашук, 1862: 153].

Отмечая распространение славянского влияния на молдаван, А. И. Зашук одновременно констатировал отличие в других регионах, населенных волошским населением: «...Трансильванские волохи в наречии своем имеют менее славянских слов, а приняли много венгерских; волохи же, обитающие за Дунаем, в Румелии, смешали язык свой с простым греческим наречием, на котором писаны и церковные книги» [Зашук, 1862: 155].

В заслугу А. И. Защуку следует отнести его подход к рассмотрению Бессарабии не как единого целого, а как нескольких составных частей единой Бессарабии, коей она стала в ходе ее включения в состав России. Но, уже будучи единицей в составе Российской империи, она сохраняла внутри себя

условное разделение на северную, центральную и южную части. Что уж говорить о левобережье Днестра, которое, как отмечалось выше, в отдельные периоды тоже носило название «Бессарабия».

Это историческое обстоятельство, вместе с активным пополнением населения края (особенно на юге) новыми поселенцами, сохранило определенную регионально-этническую разрозненность населения, говорившего на разных языках и объединяемого (в большинстве своем) в XIX – начале XX вв. официальным православием и русификаторской политикой, что больше ощущалось местным аппаратом управления, нежели основной крестьянствующей массой полиэтничного населения.

Подобный расклад в немалой степени способствовал консервации этнической идентичности этносоциальных групп населения. В среде молдавского большинства (особенно) этому благоприятствовала и массовая безграмотность.

«С распространением княжества Молдавского и с появлением здесь турок, жизнь народов, обитающих в некоторых местах Бессарабии, делается более оседлою. Но вся Бессарабия, до присоединения ее к России, никогда не составляла ни независимой, ни даже одной общей области; она заключала в себе три части, бывшие совершенно отдельными:

1. Большая часть нынешнего Хотинского уезда была Райею, т. е. христианскою провинциею молдавского господарства, исключительно принадлежавшего туркам. Это была страна пограничная, где поляки вели постоянную войну с турками и молдаванами за Буковину, туркам принадлежали также Бендеры и Аккерман.
2. Нынешние уезды: Ясский, Сорокский и Оргеевский, большая часть Кишиневского, до Траянова вала, были не что иное, как запрутская часть Молдавии.
3. Наконец Буджак, т. е. нынешние уезды: Аккерманский, Бендерский и часть Кишиневского, были искони степью, большая часть обитателей которой до конца минувшего столетия не изменяла кочевому образу жизни. Последние из скитавшихся здесь племен были ногайцы, подвластные крымскому хану и Оттоманской Порте» [Защук, 1862: 145-146].

А. И. Защук достаточно подробно анализирует количественный состав населения края, обозначив численность молдавского населения в количестве шестисот тысяч лиц обоих полов [Защук, 1862: 180], одновременно обратив внимание на то, что точные сведения о народонаселении в Бессарабии собрать труднее, нежели во внутренних губерниях. Объясняет это он еще и тем, что «население области не совсем и не все оседлое». Продолжая свою мысль, исследователь приводит следующий пример: «кроме переходов царан от одного землевладельца к другому, здесь есть места, где население увеличивается в ущерб населению соседних и даже внутренних губерний России. Так, например, в посадах города Аккермана в иные годы не бывает умерших. На место каждого покойника является пришелец из других

губерний, принимающий имя и прозвание умершего, и таким образом население этих посадов и соседственных с ними мест Аккерманского уезда, кроме естественного приращения числом родившихся, еще увеличивается косвенным образом.

Примеры подобной населенности можно бы было указать и в других местах Бессарабии, но в официальных отчетах и таблицах найти этого нельзя...» [Защук, 1862: 181-182].

Исследователь подчеркнул значительное увеличение числа жителей края, произошедшее с 1837 по 1843 гг. По сведениям, приводимым А. Защуком в течение шести названных лет, общая численность населения области увеличилась на 165,660 д. о. п., и в 1843 г. народонаселение уже составляло 719,120 душ о. п. [Защук, 1862: 150]¹⁰. Причинами столь быстрого увеличения численности жителей он называет следующие: 1. различные льготы, высочайше дарованные и выхлопотанные графом Воронцовым для насельников края; 2. основание поселений вольных матросов; и, наконец, 3. попечительство и заботливое управление областью губернатором Федоровым. «Все это увеличивало наплыв населения <...> несмотря на то, что из области было выселено в течение этого времени до 35,000 бродяг» [Защук, 1862: 150].

В научной литературе (в том числе) немало ссылок на поговорку, получившую распространение в крае в рассматриваемый период: «Мама рус, тата – рус, а Иван – молдаван»¹¹. Это требует пояснения: несмотря на то, что русская администрация боролась с так называемым бродяжничеством, отлавливала и высылала беглых в другие губернии, их приток в новороссийские земли и в Бессарабию был велик¹². Представители других этносоциальных групп зачастую записывались молдаванами, не имея никакого отношения к данному народу. Учитывая, что речь шла о беглых, число которых, как успел убедиться читатель, исчислялось тысячами (на примере выселенных), их растворение в среде молдавского населения также способствовало дальнейшему отдалению от запрутского населения и формированию региональных особенностей в условиях, отличных от запрутской Молдовы. Причем в небольшой по размерам Бессарабии региональные особенности складывались по-разному на юге, в центре и на севере края.

Тут необходимо обратить внимание на еще одну деталь, подмеченную Защуком. Говоря о бродяжничестве как о форме преступления, он подчеркнул, что оно пользуется народным сочувствием: «...Здесь, пожалуй, бродягу не примут в дом, но никто из лиц, не обличенных полицейской властью, не будет преследовать бродягу. По статистическим выводам, в Бессарабию прибывает более 20000 беспаспортных в год»¹³ [Защук, 1862: 443].

Но раз уж зашла речь о беглых, было бы несправедливо не упомянуть еще одну страницу в истории Бессарабии, особенно ее южной части, о чем тоже писал А. Защук. В крае было принято «голосовать ногами»¹⁴, прежде всего в своих интересах. Описывая ситуацию, связанную с Южной Бессарабией, перешедшей, согласно Парижскому миру, в 1856 г. к Молдавии, контролируемой Турцией¹⁵, автор давал следующую характеристику

местному населению: «Часть отошедшего населения возвратилась и продолжает до сих пор еще возвращаться в наши пределы; но вместе с тем, некоторые из местных жителей Бессарабии, пользуясь возможностью легко переходить сухую пограничную черту, отправляются в Молдавскую часть более для того, чтобы опять явиться сюда под видом переселяющихся выходцев из отошедшей части и воспользоваться некоторыми правами и льготами» [Защук, 1862: 186].

Подробные сведения о сословиях края, вероисповедании населения дополнительно формируют общую картину идентичности последнего, в том числе молдаван. В этом контексте обращает на себя внимание замечание Защука, заимствованное им у Надеждина: «В Молдавском и Валахском княжествах сохранилась постоянно длинная-предлинная „табель о рангах”, питавшая несметное множество дармоедов, под бессмысленными большею частью наименованиями: логофетов, вестиаров, спатарей, ворников, постельников, стольников, пагарников, ключеров, медельничеров, служеров и так далее... Румынам понравилась идея наследственного облагораживания потомков через отцов, идея, развившаяся в течение средних веков на Франко-Германском западе Европы и укоренившаяся с особенною силою в соседних с ними державах: Венгрии и Польше, таким образом произошло у них то разнообразие „привилегированных классов”, которое существует теперь и в области Бессарабской» [Защук, 1862: 190]. В словах А. Защука проскальзывает определенная ирония в связи со сложной социальной иерархизацией молдавского сообщества, которая под турецким влиянием только приумножила «эту чиновную череду новыми степенями и знаниями: аг, сардарей и т. п.» [Защук, 1862: 190]. Исследователь подчеркивает, что, хоть и медленно, но тем не менее название сословий подгонялось под общероссийские стандарты. Так, резешы – в основной своей массе царане (крестьяне) или свободные хлебопашцы и однодворцы – назывались до 10 марта 1847 г. мазылами и рупташами [Защук, 1862: 220].

Обстоятельно А. Защук демонстрирует общинное устройство резешских поселенцев [Защук, 1862: 220-224], что делает представителей этого сословия похожими на общинников центральной России (конечно, со своими региональными особенностями).

Обращают на себя внимание прогрессивные взгляды автора книги, подчеркивающего необходимость наделения царан землей, что дало бы им «возможность заняться устройством на ней собственного хозяйства» [Защук, 1862: 248] и обеспечивало бы их существование.

В книге достаточно подробно представлены основные виды хозяйственной деятельности населения края с подчеркиванием, насколько это возможно, этнической специфики хозяйственных предпочтений народов, в нее вовлеченных.

Здесь же можно встретить отдельные зарисовки национального характера молдаванина: «Местное население области – чисто земледельческое; плодородие земли, благодатный климат и легкий, скорый заработок делают здешнего селянина ленивым и беспечным. Ему незачем

трудиться постоянно, как селянину северной и средней России, где земля малоплодоносна и где она замерзает более, чем на 6 месяцев в году <...>

Здесь молдаван любит делать кейф¹⁶ и привык, с небольшими усилиями, собирать только то, что дает ему сама природа». Эту мысль исследователь продолжает при описании возделываемых в Бессарабии зерновых культур: «Кукуруза (*blé de Turguie, mais*) составляет для молдаван Бессарабии то же, что картофель – в Ирландии, хлебное дерево – на островах Тихого океана, *conditio sine qua non*¹⁷. Ежели резешь засеял и собрал две-три фальчи (фальча – 2800 кв. молдавских сажень) кукурузы, сделал запас ее так, что хватит мамалыги (*polenta*, род саламаты) на круглый год, он счастлив, и довольно к этому бочки вина из собственного сада, брынзы (овечий сыр) – и все его желания исполнены: он может восемь месяцев в году делать кейф, который молдаване так успешно привили к себе от своих прежних властителей» [Защук, 1862: 231].

Через год после выхода в свет анализируемого двухтомника из-под пера А. Защука вышла объемная публикация, помещенная в разделе «Статистика» на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» под названием «Этнография Бессарабской области». Это была доработанная часть большого раздела первого тома «Материалов для географии и статистики России», посвященного освещению внутреннего и внешнего быта жителей Бессарабии.

В силу ракурса темы нашей монографии обойти вниманием этот раздел было бы ошибкой. Конечно, мы не собираемся пересказывать подробные описания, сделанные автором полтора столетия назад. При желании любой интересующийся сможет это осуществить. Но на картинах отдельных сторон культуры повседневности молдаван, сказывающихся на формировании идентичности, нельзя не остановиться.

Подчеркивая превалирование молдаван над остальными жителями края («3/4 ее жителей состоит из молдаван»), Защук подчеркнул: «Если не в характер, то в домашнюю жизнь всех названных народностей вкрались кое-какие обычаи молдаван, а последние в свою очередь заимствовали многое от своих соседей и преимущественно от русинов, с которыми молдаване почти перемешались в северных уездах области. Таким образом, бессарабские молдаване, называя себя румынами, стали во многом отличаться от своих запрутских собратий, жителей соединенных княжеств, которые в последнее время селятся доказать свое чисто Римско-Дакское происхождение» [Защук, 1862: 450].

Небезынтересны рассуждения А. Защука о специфике местного молдавского населения. Не желая переагружать текст цитатами, все-таки считаем необходимым выделить некоторые мысли автора, дабы передать дух времени и логику рассуждений исследователя. Говоря о привилегированных сословиях Бессарабии, Защук констатировал, что они, «благодаря своему образованию, стоят почти наравне с теми же сословиями других мест России, тем не менее необходимо упомянуть о прежнем составе высших молдавских сословий, для того, чтобы разъяснить себе характер простолудина, который

образовывается под влиянием исторических событий и отчасти под влиянием высших сословий страны» [Защук, 1862: 451]. Далее автор отмечает продажность элиты в Дунайских княжествах, обращая при этом внимание на то, что система фанариотского режима способствовала появлению в них выходцев из разных стран: «Входя в связи с богатыми румынами или грабя их, они произвели высший слой общества, с особенным типом и характером, в жилах которого можно найти разве атомы крови властителей древнего мира». Подчеркивая специфику формирования местного элитного общества, А. Защук сделал ремарку об отношении запрутских молдаван к «бессарабским собратьям»: «...Молдаване в княжествах считают себя румынами более чистой крови, чем своих бессарабских собратий, и на это имеют, кажется, полное право» [Защук, 1862: 451]. Далее автор поясняет, почему он пришел к подобному выводу и в чем заключалась специфика бессарабской элиты. Понимая субъективность взглядов А. Защука, тем не менее, полагаем целесообразным привести его описание местного дворянства, дающее объяснение многим специфическим чертам, резонирующим и сегодня в молдавской элите. Так, А. Защук констатировал, что с присоединением Бессарабии к России местное правительство вначале выказало излишнюю снисходительность в приеме и причислении к высшим сословиям края разных лиц, часто темного происхождения, «и через то, рядом с знатными молдавскими боярскими фамилиями, принявшими подданство России, как-то: Балыш, Гика, Стурдза, Прункул, Россет и такими же греческими омолодаваневшимися фамилиями – Псиланти, Мурузи, Катакази, Калимахи, Кантакузен, Панаиоти и еще весьма немногими другими¹⁸, признанными в дворянстве империи, вкрались разные искатели счастья, преимущественно из Австрии и Польши, с чужими или подложными документами, купленными в Молдавии и дававшими право на причисление к дворянству. Этого последнего рода дворяне и породили первоначально странную, разноземную, разнохарактерную и разноплеменную смесь, в которой трудно доискиваться румынской крови» [Защук, 1862: 451–452]. Здесь по ходу изложения возникает вполне естественный вопрос: а не это ли был один из механизмов, тормозящих румынизацию сознания бессарабской элиты в то время? Ведь, как справедливо отметил в своей монографии Ю. Фрунташу, бессарабская элита была разрозненной по этническому признаку. Заметим, что даже молдавская элита тоже была неоднородной. Как и во времена османов, в ее среде были симпатизанты разных этнокультурных векторов ориентации: те же сторонники великой Румынии и элита, уже сфокусированная на Россию и русскую культуру.

Далее автор продолжает: «Вначале отсутствие, а впоследствии запутанность от стечения разноземных законов послужили поводом к распространению между этой разнохарактерною толпою цивилизации, в худшем значении этого слова, выразившейся, с одной стороны, в надменности, хвастливости или низкопоклонничестве, а с другой – в развитии сильного ябедничества, тяжбе (тяжб – прим. авт) и процессов. Эти ябедники-дилетанты ловили в мутной воде рыбу богатства на счет доверчивого, не знакомого с

крючкотворством ближнего (мнение это основано на официальных отзывах, хранящихся в архиве областного правления: фельдмаршала Прозоровского, адмирала Чичагова, губернатора Гартинга, князя Воронцова, вошедших частью в полное собр. законов Империи, т. XXXIX, № 30, 648), и пока предметы были в полумраке, люди эти успели воспользоваться незаслуженным» [Защук, 1862: 452].

На фоне образа представителя элиты показательно выглядит рисуемая А. Защуком природа молдаванина-простолюдина. Описывается образ, который позже, в этнопсихологии Кардинера, получит название «основной личности»¹⁹. Прежде всего, в изображении молдаванина-простолюдина прослеживается авторская симпатия к народу с одновременной констатацией того, что молдаванин-простолюдин «имеет характер, испорченный порабощением, чуждый энергии и удали, склонный к мирной деятельности» [Защук, 1862: 453]. И далее он продолжает раскрывать свою мысль: «В молдаванине южная его натура выражается порывами пылкости, мстительности и самолюбия; последнее в нем гораздо щекотливее, чем в северном жителе; впрочем, вообще простолюдин добр и сострадателен к ближнему, с которым часто готов делиться последним» [Защук, 1862: 453].

Любопытно наблюдение автора над ролью женщины в жизни поселянина: «Женщина-поселянка, предоставленная в хозяйстве беспечностью мужа сама себе, всегда делается расчетливою и бережливою. Скромная, послушная и покорная мужу, как главе семейства, она, также как и малороссиянка, неуживчива с посторонними. Вот почему здесь, как и Малороссии, женатый селянин тотчас же отделяется от родных, часто в ущерб своему собственному благосостоянию» [Защук, 1862: 457].

В работе А. Защука отводится место описанию жилища, занятий, одежды, пищи, обычаев молдаван, их фольклора, танцевальной культуры.

Вызывает интерес раздел книги, посвященный образованию. Особое внимание автор уделяет религиозному образованию. А. Защук подчеркивает, что «места нынешние Бессарабии имеют для России особенное значение: отсюда перешло к славянам если не первое христианство, то первые богослужebные книги и обряды» [Защук, 1862: 369]. В историческом очерке, посвященном распространению христианства в крае, автор придерживается точки зрения об определяющей роли христианства, принятого даками и затем расширившегося среди скифов. На наш взгляд, подобные утверждения представляются слишком смелыми.

Приход гóтов, а затем гунов не изменил ситуации. Защук пишет: «Даки – старожилы края, смешавшиеся с победителями своими, но сохранили свою веру, а отчасти и народность» [Защук, 1862: 372]. Автор особо не заостряет внимания на этнической истории молдаван и румын, но, судя по его реплике, приведенной выше, он разделял точку зрения о континуитете.

Исследователь отмечает устойчивость христианской веры на территории Дунайских княжеств, обращая одновременно внимание на заметное влияние славянской составляющей в местном православии: «Так, еще Феоктист, чтобы не допустить своей паствы соединиться с Западною

церковью (после Флорентийского собора) и утвердиться унии, убедил молдавского господаря Александра латинские буквы заменить славянскими. С того времени все грамоты господарей писались и все богослужение отправлялось на славянском языке, до княжения Василия Лупула, который велел перевести богослужебные книги на молдавский и греческий языки и употреблять их при богослужении. Впрочем, греческий язык, еще менее понятный народу, нежели язык славянский, не мог войти в повсеместное употребление при богослужении, и заменился народным языком румынов, на котором и до сего времени совершается богослужение» [Защук, 1862: 377].

Мобилизационная роль церкви в рассматриваемый период была огромной. Так сложилось, что церковь в Бессарабии русского периода способствовала нескольким пролонгированным процессам:

– как уже отмечалось, в новоприсоединенной к России Бессарабской области создается в 1813 г. Кишиневская и Хотинская епархия. Данная епархия уже не находилась в зависимости от Валашской и Молдавской митрополий, что в перспективе способствовало отдалению от румынских православных центров, активизации русификации, особенно в последних десятилетиях XIX – первом десятилетии XX вв.

Однако наряду с процессами русификации, которые в большей степени имели место на окраинах империи, в том числе и в Бессарабии, в крае протекали процессы консервации культуры и укрепления молдавской идентичности в Приднестровье посредством включения в состав Кишиневской и Хотинской епархии приходов, расположенных на левобережье Днестра. Кстати, это способствовало дальнейшему освоению молдавским населением левобережного Поднестровья: особая его активность начинается в XVI в. и наращивается в последующие века, в том числе в XIX столетии [Зеленчук, 1979: 42-43; 45-46].

А. Защук отмечал: «...Епархия учреждена в Бессарабии в 1813 году и названа Кишиневскою и Хотинскою. Но как область была тогда опустошена, а южная ее часть весьма мало населена, то по Высочайшему указу в августе 1813 года к учрежденной Кишиневской епархии причислены сопредельные с Бессарабией церкви, находившиеся в городах и селениях бывшей Очаковской степи, между Днестром и Бугом, а именно: города Тирасполь, Ананьев и Одесса, с их уездами, в которых находилось 77 церквей» [Защук, 1862: 379].

Процессы освоения молдавским населением левобережного Поднестровья способствовали украинско-русской аккультурации молдаван и их отдалению от запрутских соэтников, политически мобилизованных в румынскую нацию как раз в период выхода в свет книги А. Защука.

Автор обращает внимание на то, что обряды молдаван и болгар мало чем отличаются от обрядов русской церкви. Он констатирует, что, как люди необразованные, молдаване, болгары и русины «суеверны; но у них нет ни особенных религиозных поверий, ни преданий, ни даже мест, особенно чтимых народом, куда бы стекались из многих селений на поклонение²⁰» [Защук, 1862: 383-384].

Если со сказанным выше можно согласиться, то утверждение о том, что «для русских, болгар, даже для молдаван, Бессарабия имеет мало национального, исторического интереса», звучит, по меньшей мере, спорно. Объяснение сказанному автор видит в том, что «племена, здесь поселенные, не искони живут в Бессарабии, служившей приютом многим различным народам» [Защук, 1862: 384]. Впрочем, приведенный вывод Защицы свидетельствует и о том, что на момент описываемого им времени этнический вопрос в Бессарабии остро не поднимался. Льготы различным этносоциальным сообществам: молдаванам, задунайским переселенцам, немцам, швейцарцам и др. – одновременно снимали этническое напряжение.

Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что в Бессарабии того времени не существовало этносоциальной иерархии. Она была, и на ее низовых ступенях находились цыгане, евреи, старообрядцы, но никак не молдаване. При этом все этносоциальные слои населения эпизодически испытывали всплески политики русификации.

Обращает на себя внимание значительное количество белых и черных священнослужителей, называемое автором, – 8112 (один священник на 600 прихожан) [Защук, 1862: 389, 391]. Столь значительное их число лишний раз свидетельствует о том, какая существенная роль отводилась православной религии в крае.

А. Защицы подчеркивает положение и статус сельского священника. С одной стороны, там, где он пользуется уважением, царане обрабатывают выделяемую ему землю (обычно 33 фальчи) в складчину (клакой), за что священник угощает работников. При этом автор подметил важную деталь: «Быт сельского священника в Бессарабии ничем не лучше быта простого, небогатого царанина, от которого сельское духовенство можно иногда отличить только по одежде и бороде²¹» [Защук, 1862: 391]. Данное наблюдение важно констатацией того, насколько бессарабское духовенство было приближено к местному крестьянству своим социальным положением. Это делало его своим в среде местного крестьянства, еще больше приближая ценности православия. Дело в том, что у молдаван, как у земледельческого народа, хорошим хозяином («господар бун») считался тот, кто работал на земле. Всякого рода ремесло понималось как дополнительный навык, не исключаяющий главного, – работы с землей. Те же, кто занимался, например, торговлей, автоматически выпадали из привычного у молдаван представления о достойном хозяине, даже если они были богаче²².

Автор указывает на необходимость улучшения образования среди лиц духовного звания, обучения их основам медицины, в силу малочисленности врачей (один медик на более чем 35000 селян) [Защук, 1862: 392].

А. Защицы представляет подробную картину религиозного и светского образования в крае. Религиозное образование обеспечивали семинария и духовное училище. Светскому образованию он посвятил отдельный исторический очерк. В нем он обратил внимание на роль России в распространении образования среди молдаван, указав на обучение боярских детей в греческой гимназии при Санкт-Петербургском артиллерийском

корпусе, «для обучения единовѣрных с Россіею: молдаван, болгар, греков и сербов» [Защук, 1862: 396].

В первой половине XIX в. в крае начинают открываться разнаго рода светскіе учебныя заведенія²⁴. Для образованія низших сословій отдѣльные священники открывали при приходах домашніе заведенія для обученія грамотѣ [Защук, 1862: 398].

Таким образом, со всей очевидностью прослѣживается положительная динамика развитія учебныхъ заведеній в первой половинѣ XIX в., и, тем не менѣе, судя по приводимой автором статистикѣ, в серединѣ столѣтія в крае обучался только 1 человек из сорока [Защук, 1862: 404].

Медленно и непросто шел процесс распространенія книжной культуры в крае. Об этом Защук сообщает в отдѣльном параграфѣ. Исследователь подчеркнул, что в Бессарабіи (на момент написанія книги) находилась всего одна публичная бібліотека в Кишиневѣ, открытая в 1830 г., ранее всех других бібліотек Новороссійскаго края. При этом интересъ къ печатному слову долгое время былъ весьма скуден. Какъ писалъ самъ Защукъ, «въ это время въ обществѣ еще мало чувствовалась потребность чтенія, какъ видно изъ делъ бібліотеки, в 1833 году насчитывалось только 56 читателей, в 1837 ихъ было 48, а затемъ, в промежуткахъ этихъ годовъ и даже въ последующіе годы цифра читателей не увеличивалась» [Защук, 1862: 429-430]. К 1860 г. число читателей увеличилось въ июлѣ до 476 человек. Бібліотека стала однимъ изъ центровъ проведенія досуга. Ее огни стали светиться и по вечерамъ.

Любопытно, что изъ бессарабскихъ пишущихъ людей А. Защукъ выделилъ лишь немногихъ, среди которыхъ: протоиерей П. Куницкій, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій Д. Сулима, экс-старшій советникъ бессарабскаго областнаго правленія В. Шостакъ, ученый-садоводъ Г. Денгингъ, докторъ Гриневецкій; изъ беллетристовъ онъ отмѣчаетъ такихъ, какъ Г. Гербановскій, В. Побыванецъ, и добавляетъ: «Следуетъ упомянутьъ еще о г. Стамати <...> (Стамати-Басарабян) <...> кроме Стамати-Басарабянина (такъ въ текстѣ – прим. авт.), въ области существуетъ еще другой г. Стамати, помещающій разнаобразныя статьи своего произведенія по различнымъ періодическимъ изданіямъ» [Защукъ, 1862: 435].

Данный списокъ авторовъ призванъ лишній разъ подчеркнуть, что на территоріи Бессарабіи проживало очень мало пишущихъ личностей, въ томъ числѣ молдавскаго происхожденія. Кстати, этотъ фактъ во многомъ объясняетъ причину вліянія пишущихъ молдаванъ изъ-за Прута (а къ моменту выхода въ светъ книги А. Защука румынская идея уже получила ускореніе)²⁵ на грамотныхъ бессарабцевъ, коихъ в краѣ было не такъ ужъ и много. Это замечаніе къ тому, что на моментъ написанія и изданія книги А. Защука Россія не имѣла особой программы поддержки и развитія молдавской идеи (это пришло позже). Причемъ внимательный Защукъ не упустилъ возможности констатировать отсутствіе въ Кишиневской бібліотекѣ хотя бы одного «изъ изданныхъ сочиненій, относящихся до Бессарабіи» [Защукъ, 1862: 431].

У автора данной книги нѣтъ возможности (равно какъ нѣтъ и необходимости, въ силу иной проблематики) останавливаться на анализѣ всехъ

видов учебных заведений, который осуществил в своей работе А. Защук. Стоит лишь отметить, что сделал он это со свойственной ему скрупулезностью и вниманием к деталям.

Кстати, Защук неоднократно касался вопроса о достаточно открытых (в частности, торговых) контактах бессарабцев с запрутской Молдовой [Зашук, 1862: 360], что в немалой степени подтверждают и исследователи более позднего времени, указывая не только на торговые, но и на культурные связи молдаван двух берегов Прута [Стати, 2002: 246-252].

Вторая часть его подробного монографического исследования посвящена освещению системы управления Бессарабией, включая ее светское, военное и религиозное направление. Здесь же рассматривается система налогообложения, приводятся сведения о состоянии городов и селений края.

Исследование А. Защука получилось объективным, подчеркивающим поэтапное аккумулятивное местной власти административным аппаратом Москвы, внедрение областных органов, подведомственных министерствам внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения, госимуществ, а также духовному, военному ведомствам, почтовому и путей сообщения.

По сути, население края попало под несколько административных преобразований. Первое имело место в 1812-1815 гг. Оно даровало жителям края ряд привилегий, а сама Бессарабия управлялась временным правительством, образованным главнокомандующим Дунайской армией адмиралом П. В. Чичаговым. Однако произвол местных властей и чума привели к оттоку части населения в турецкие земли, что было крайне невыгодно России. Это привело к появлению первого органического устава для управления Бессарабской областью (от 26 мая 1816 г.): «Областные правительственные места составлены из двух департаментов; советники обоих департаментов, из туземных помещиков, составляли общее собрание, под предводительством гражданского губернатора» [Зашук, 1862а: 2].

Уезды разделялись на исправничества. Исправниками избирались молдавские местные помещики. «Непосредственному управлению исправника подлежали все жители цинута (уезда). Каждый цинут или уезд, кроме того, разделялся на несколько частей или околов, которыми заведовали так называемые околаши. Низшим сословием дворян (низших однодворцев) заведовали капитаны де мазыл, а местечками управляли капитаны де тырг. Околаши, капитаны де мазыл и де тырг определялись в это звание исправниками и непосредственно от них зависели. В руках исправников были суд и расправа; суд совершался почти всегда на словах и на молдавском языке» [Зашук, 1862а: 3].

Следующий устав для управления областью утверждается Высочайшим указом 29 апреля 1818 г. Согласно ему верховный совет составляли местные дворяне под предводительством полномочного наместника. «В нем завершались окончательно дела о жизни, чести и имуществе жителей края, и действия его продолжались до 1828 г.» [Зашук, 1862а: 2–3].

Очередная реформа пришла на время правления краем новороссийским генерал-губернатором князем Воронцовым ²⁶. Как отмечает

А. Защук, «князь вполне понимал невыгоды и злоупотребления верховного совета <...> По его проекту было составлено и представлено на Высочайшее усмотрение новое положение об управлении Бессарабской областью» [Защук, 1862а: 3], получившее узаконение 29 февраля 1828 г. В соответствии с данными преобразованиями верховный совет был назван областным и получил совещательный статус.

Из вышесказанного становится видно, как постепенно ослаблялась власть местных вельмож и централизовалось управление краем. Но это был сложный, болезненный и, самое главное, не односторонний процесс. Исследователь В. Стати в своей «истории Молдовы» подчеркивает, сколь болезненно реагировала на изменения своего статуса местная молдавская элита, пытающаяся сохранить свои привилегии в новых условиях [Стати, 2002: 238–239]. Можно утверждать, что в определенной степени подобное поведение молдавской элиты способствовало сохранению чувства этнической обособленности и индивидуальности.

Обращает на себя внимание статья А. Защука «Этнография Бессарабской области», опубликованная на страницах одного из первых научных журналов юга России – «Записки Одесского общества истории и древностей». Эта статья по праву заслуживает называться первой комплексной этнографической публикацией, написанной в середине XIX столетия. В статье была дана краткая характеристика народов, населявших Бессарабию, а именно: молдаван, болгар, армян, греков, немцев, швейцарцев, евреев, цыган и украинцев.

Предприняв попытку разобраться в этнических истоках разноплеменного населения Бессарабии, исследователь высказал справедливое предположение о взаимовлиянии древних даков и славянских племен [Защук, 1863: 504]. Там же он обратил внимание на тему естественной ассимиляции представителей других национальностей, которые в ходе переселения в Пруто-Днестровское междуречье на протяжении XIX в. предпочитали записываться молдаванами.

Данному явлению имеется несколько пояснений. Пояснение религиозного характера уходит корнями еще в седое средневековье. Так, по результатам Брестской унии 1596 г. часть русинского православного населения из Закарпатья переселилась к единоверцам, в православную Молдову. Веру, как подчеркивал в начале XX в. В. Доманицкий, окруженные единоверцами «буковинские украинцы начали звать православную веру – „волошскою верою”, а „русская вера – это у них вера униатская, та, что у галицких украинцев”. Любопытен результат подобной расстановки понятий, приведший к тому, что «некоторые коренные украинцы начали называть себя „волохами”» [Доманицкий, 1910: 9].

После 1812 г. на религиозную составляющую наложились еще и социально-экономические обстоятельства. Ссылаясь на изыскания Е. Дружининой, В. Стати подчеркивает, что представители населения левобережья Днестра и Буго-Днестровского междуречья, быстро увеличивавшегося, в ходе событий XIX столетия «заявляли, что относятся к

„молдавской нации”». Объяснялось это стремлением сохранить личную свободу. Продолжая данную мысль, историк ссылается на своего коллегу В. Гросула, писавшего, что «многие русские и украинцы, чтобы не стать крепостными, объявляли себя молдаванами, закрепощение которых было запрещено. Однако чтобы записать себя молдаванами, нужно было знать этот этноним. И если беженцы из России и Украины его знали, ясно, что он был очень распространен» [Стати, 2002: 231].

В контексте нашего анализа Пруто-Днестровское междуречье предстает как тесная этноконтактная зона. Не случайно ее в некоторых средневековых источниках именовали «Русовлахия» и «Молдославия» [Мохов, 1978: 88]. Добавим, что левобережное Поднестровье (в ряде источников, в основном румыноязычных, – Транснистрия) длительное время, с легкой руки приближенного Екатерины II Григория Потемкина, именовалась «Молдова Ноуэ» (Новая Молдова). Данное название, впрочем, не выдержало испытания временем, возобладало наименование «Новороссия» [Стати, 2002: 224]. Но тем не менее на данный аспект необходимо обратить внимание.

А. Шмидт. Если уж зашла речь о приднестровских молдаванах, думается, не будет лишним привести результаты изысканий еще одного офицера Генерального штаба – А. Шмидта, оставившего подробное описание Херсонской области в двух томах. В нем он критически рассматривает данные своих современников А. А. Скальковского, П. И. Кеппена и др.

Говоря о восточнороманском населении края, А. Шмидт разделяет его на молдаван и волохов. Хотя со вторым этнонимом в литературе того времени происходит заметная путаница. На середину XIX в. автор обозначает молдаван и волохов вторыми после наиболее многочисленных малороссиян – 75 тыс. д. о. п. [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 463].

Любопытно отношение украинцев к представителям других народов, проживающих по соседству, в том числе к молдаванам: «Замечательно также какое-то особое озлобление, обнаруживаемое украинцами в отношении евреев и немцев, колонистов, которым не хотят помогать в несчастьи, но даже как будто радуются, когда кто-либо из них поставлен в бедственное положение. Эта постоянная вражда объясняется замкнутостью частной жизни немцев и евреев и исключительностью их интересов. Болгар точно так же не любят малороссияне, хотя к ним менее строги, как к единоверцам. К молдаванам они более снисходительны, хотя часто смеются над ними; в селениях, где они живут, малороссияне говорят по-молдавски, и там, где их достаточно, уславливаются между собою, в какие дни должна быть в церкви служба на молдавском и на славянском языках. Это встретить можно почти во всех селениях государственных крестьян Тираспольского и Ананьевского округов. К русским хохол чрезвычайно недоверчив, особенно к солдатам, которых он называет по преимуществу москалями. Подобно тому, как великороссиянин утвердил за ним название хохла, так и он называет его кацапом, т. е. козлом» [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 496].

Выше приведено очень точное описание межэтнических отношений, исторически сложившихся в регионе. Как уже понял читатель, отношение

украинцев к молдаванам было снисходительно-терпимым. Обращает на себя внимание то, что в смешанных селах украинцы начинали использовать и молдавский язык, что свидетельствует об устойчивой этноязыковой идентичности молдаван в полиэтническом окружении.

В книге приводится подробное описание молдаван, их внешнего облика, характера, культуры повседневности. Подчеркивается, что молдаване живут на левобережье Днестра «в большем числе против валахов». Как и другие современники, А. Шмидт отметил сходство национального характера молдаван с украинцами. «Сам же ум его как бы погружен в дремоту, хотя присутствия способностей нельзя отвергать: его остроумие тяжело, замысловато, ум не прям, не силен, а изворотлив и скрытен, не всегда даже хитер, как явное следствие всеподавлявшего ига» [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 507–508]. Как и другие исследователи окраин империи, Шмидт смотрит на молдаванина Херсонщины свысока: «В характере молдаванина заметна еще какая-то дикость и склонность к предрассудкам и суеверию. Они покорны, по привычке повиноваться, но скрытны, скупы, склонны к пьянству, в особенности тираспольские крестьяне <...> ленность есть отличительная черта их характера <...> все домашние занятия возложены у них на женщин, которые вообще весьма трудолюбивы. Хозяин, если можно, сидит дома, в совершенной праздности» [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 508] (подобное автор писал и об украинцах Херсонщины) [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 487-488; 497-498; 491 и др.].

Показательна характеристика языка молдаван, данная Шмидтом: «Язык свой молдаване и валахи в Херсонской губернии сохранили до сих пор. Он есть смесь славянских слов с латинскими и итальянскими; самая азбука была принята ими славянская, а теперь заменяется русскою. Молдаване знают русский и малороссийский языки, но только по необходимости; менее всего они чуждаются малороссиян, так что между ними случаются иногда брачные союзы, хотя и редко» [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 508].

Благодаря работе А. Шмидта читатель знакомился с различными сторонами культуры и быта молдаван левобережного Днестра, их основными занятиями, особенностями традиционной кухни и вкусовых предпочтений, одежды.

Трудно согласиться с мнением молдавских коллег В. С. Зеленчука и О. С. Лукьянец о том, что в работе А. Шмидта не содержится анализа собранных статистических и этнографических материалов [Зеленчук, 1986: 18]. Комплексный подход в описании полиэтничного населения Херсонщины середины XIX в. делает работу А. Шмидта ценным этнографическим источником по изучению «Новой Молдовы», не утратившим своего научного значения и сегодня.

Обращает на себя внимание цитата из книги этнополитического характера, написанной Львом Аристидовичем Кассо²⁷, – «Россия на Дунае и образование Бессарабской области» (2013), в которой автор, сам бессарабский

помещик, указывает на слабое представление об этом крае «в центральных управлениях». В качестве примера он приводит следующий: «„Ежегодник России”, издаваемый центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, за 1910 г., перечисляя народности, заселяющие Бессарабию, не называет молдавскую, хотя она составляет больше половины всего населения Бессарабской губернии; а несколько лет тому назад Гражданский Кассационный Департамент признал Бессарабию вместе с Молдавией бывшими составными частями Византийской империи, не взирая на то, что власть константинопольских императоров никогда не простиралась севернее Дуная» [Кассо, 2013: 228].

Данный отрывок красноречиво подчеркивает то, что спустя 100 лет со времени включения Бессарабии в состав России, некоторые граждане страны, в том числе просвещенные, не особо отдавали себе отчет о том, кто живет на этой окраине империи.

III. Российские авторы - энциклопедисты

П. П. Семенов-Тян-Шанский и В. П. Семенов. Л. С. Берг.

П. П. Семенов-Тян-Шанский и В. П. Семенов. В дело изучения истории, географии, статистики и этнографии народов России заметный вклад внесли отец и сын Семеновы.

Петр Петрович Семенов-старший (1827–1914) – крупный путешественник и естествоиспытатель, закончил философский факультет Петербургского университета. В 1849 г. был избран членом РГО, а в 1851 г. стал магистром ботаники, много и плодотворно путешествовал по Азии, в связи с чем в день пятидесятилетия первого путешествия П. П. Семенову было присвоено почетное имя Тянь-Шанский. Ему принадлежит заслуга в организации проведения первой Всероссийской переписи населения в 1897 г. За выдающиеся заслуги перед человечеством именем Семенова-Тян-Шанского были названы многие местности в Европе, Азии и Северной Америке.

П. П. Семенов-Тян-Шанский оставил после себя богатое наследие. Еще в начале 60-х годов XIX столетия под его руководством было начато издание «Географическо-статистического словаря Российской Империи», продолжавшееся до 1885 г. Словарь заключал в себе «собрание географических и статистических сведений о России в форме, наиболее доступной для изучения и справок» [Географическо-статистический словарь Российской империи, 1862: I].

Остановим внимание уважаемого читателя только на одном издании: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей» (1910). Книга вышла под редакцией сына Семенова-Тян-Шанского – Вениамина Петровича Семенова, под общим руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского.

Четырнадцатый том этого издания посвящен описанию Крыма и Новороссии. В последнюю включались Херсонская, Таврическая,

Екатеринославская, Ставропольская губернии, области войска Донского и Бессарабия.

Это была так называемая большая Новороссия, и включение в ее состав Бессарабии отнюдь не было ошибкой. Следует предположить, что это была своего рода реакция на формирование общего славянизированного, а точнее сказать русифицированного пространства, в которое включалась и Бессарабия с ее полиэтническим составом населения, в том числе – восточными романцами – молдаванами.

Как подчеркнул В. Семенов-Тянь-Шанский, «населенная, по приглашению Потемкина, самыми разнообразными этнографическими элементами, во главе с великороссами и малорусами, Новороссия начала сгущать свое население и разрабатывать под земледелие свои действенные степи со сказочной быстротой» [Россия... 1910: V].

Допустимо предположить, что активизация промолдавских сил в первом десятилетии XX в. (открытие национально-демократической газеты «Басарабия», в 1907 г. – газеты «Басарабия Рэынноитэ», в 1912 г. – журнала «Луминэторул», в 1913 г. – журнала «Кувынт молдовенеск» и т. п.) могла способствовать опасениям властей в связи с возможными национальными возмущениями в крае. Поэтому губерния оказалась включенной в огромный новороссийский анклав, где молдовенизм был, по сути, растворен. Любопытно, что при презентации этноса авторы Словаря используют его название «молдаво-влахи или румыны», подчеркивая, что они составляют большинство жителей Бессарабской губернии. А далее в тексте уже применяется этноним «молдаване».

Согласно прозучавшей характеристике, «нравственность, честность, трезвость и, наконец, уважение к старшим и заветам прошлого составляют отличительные черты характера молдаванина» [Россия... 1910: 202].

В тексте представлены антропологические характеристики представителей молдавского народа, описаны их занятия, традиционная одежда, жилище, пища, прокомментирована свадьба, семейные отношения, основные формы фольклора.

При подчеркивании православного вероисповедания молдаван одновременно обращается внимание на то, что «малоруссы дразнят молдаван: „Эй, ты, тринадцатой веры” (кличка эта объясняется религиозной обособленностью и необщительностью молдаванина). С 1876 г. богослужение у всех молдаван совершается на церковно-славянском языке». При этом констатируется сохранение множества дохристианских представлений: «Все еще существуют у них домовые „стахии”, ведьмы – „стригой”, тени умерших, встающих из могил в день св. Андрея, против которых всемогущен один чеснок, спрятанный в дверях и окнах <...> молдаванин, прежде чем прикоснуться к напитку, дует на него, чтобы отогнать мертвецов» [Россия... 1910: 204] и т. п.

Вместе с тем следует констатировать, что отдельные сведения о молдаванах, как и о цыганах, приводятся в словаре как явно устаревшие. Например, в тексте говорится, что «проводы покойника, по-старинному –

непрерывно даже летом на санях, запряженных четырьмя волами с рогами, перевязанными белыми холстяными полотенцами» [Россия... 1910: 204].

Вполне допустимо, что подобного рода практика могла иметь место, но на момент выхода словаря в свет немалое число авторов не указывали на подобного рода традицию. Одновременно, примерно в то время, как начал издаваться словарь, увидела свет статья известного этнографа Д. И. Анучина «Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда» (1890) [Анучин, 1890]. Вряд ли авторы Словаря позаимствовали подобную информацию из данной публикации, но категоричность их утверждения о том, что похороны осуществлялись только таким образом, не выдерживает критики и аргументов при сравнительном анализе.

Завершая рассмотрение данного источника, хотелось бы обратить внимание читателя на то, что словари на тот период представляли весьма серьезный источник информации. Основная масса людей, находившихся вне Бессарабии и не знакомых лично с ее населением, порой именно через подобные издания узнавали определенные подробности, касающиеся истории, культуры и положения того или иного народа.

Л. С. Берг²⁸. Работа Льва Семеновича Берга «Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство» впервые увидела свет в Петрограде в 1918 г. Это своего рода книга-протест в связи с событиями 1918 г., когда Румыния ввела свои войска в Бессарабию²⁹. Напрямую в монографии об этом не говорится, но зато подробно представлены общие географические сведения, краткий исторический очерк, который завершается разделом «Бессарабия под русским владычеством». Имеются сведения об основных сельскохозяйственных занятиях населения, путях сообщения и главных населенных пунктах. В отдельной главе представлены этносоциальные сообщества, проживающие в крае, где наряду с социологическими и демографическими сведениями представлены достаточно подробные данные из этнографии каждой этносоциальной группы края.

Молдаванам, как наибольшему этнокультурному сообществу, Берг уделил немалое внимание. В его работе представлены материальная, духовная и соционормативная культура народа. Как уже отмечалось, монография Берга не случайно вышла в 1918 г., автор четко подчеркивает уникальность молдавского этноса.

Книгу Берга можно назвать энциклопедическим изданием. Он немало позаимствовал у предшественников. Но позаимствовал творчески, во многом домыслив и доведя до обобщений найденную информацию. Подводя некоторые итоги в разделе, посвященном описанию русскими авторами молдавского народа и его культуры, следует констатировать следующее:

– в первой половине XIX в. Россия получила возможность патронировать Дунайские княжества – Валахию и Молдову. Она была заинтересована в сохранении контроля над ними и содействии ослаблению Османской империи. Подобная политика создавала дополнительные условия для унификации этнического имени населения Дунайских княжеств;

– дальнейшие процессы интеграции в единое румынское государственное образование способствовали распространению этнонима «румын» на население запрутской Молдовы и консервации этнонима «молдаванин» в границах, контролируемых Россией;

– при анализе состояния этнической идентичности немалое значение имеют гетеростереотипы. На эту сторону вопроса, в частности, обратил внимание А. И. Защук, подчеркнувший, что русские «называют румынов – молдаванами, по названию княжества...» [Защук, 1862: 153]. Здесь же следует добавить, что в рассматриваемый период еще было распространено именовать восточных романцев волохами;

– одной из причин сохранения молдавской идентичности в Бессарабии и Левобережном Поднестровье можно назвать сохранение русско-украинского культурного влияния, усиленное государственной границей Российской империи. Отдельно следует отметить политику русификации, направленную на унификацию бессарабской окраины в составе Российской империи;

– важно обозначить роль православной религии в процессах сохранения молдавской идентичности в регионе. Причем процесс влияния церкви осуществлялся зачастую опосредованно. Например, только одна независимая политика упомянутого в тексте митрополита Гавриила (Бэнулеску-Бодони), в немалой степени способствовала отдалению молдавской православной кафедры от греческой церкви и ее сближению с русской церковью. Напомним, что в рассматриваемый период в среде основной массы безграмотного населения слово пастыря играло особую мобилизационную роль;

– важным моментом, на который обращается мало внимания (в контексте рассматриваемой нами тематики), является разделенность Бессарабии на три условные части: северную, центральную и южную. Историческая судьба населения названных региональных сегментов Бессарабии различается. Несмотря на экономическую интеграцию края в общероссийский рынок и процесс унификации региона в составе империи, подобное разделение в немалой степени способствовало консервации культурных особенностей этносоциальных групп населения Бессарабии;

– нельзя сбрасывать со счетов и многотысячные внедрения в состав молдавского населения края славянского элемента. Во-первых, это часть русинов, которые зачастую идентифицировали себя как носители «волошской веры» и тем самым ассимилировались в молдавском единоверческом пространстве. Во-вторых, несмотря на то, что факт миграции беглых в Новороссию и в Бессарабию фиксируется во многих источниках, до сих пор мало внимания уделяется искусственной ассимиляции беглых, записывавшихся вместо умерших молдаван в Аккермане, Бендерах, Кишиневе, других крупных поселениях края (там тяжелее было их выявить). При этом новоявленные «молдаване» приносили в молдавскую культуру славянскую составляющую, что дополнительно способствовало отдалению молдаван Пруто-Днестровья от своих румынизируемых соотников из-за Прута;

– отдельно следует остановиться на характеристике молдавской интеллигенции и элиты. Во-первых, она была немногочисленной. Часть ее, в силу нахождения Бессарабии в составе России, была естественным образом ориентирована на Санкт-Петербург, другая часть включилась в процессы интеграции румынского пространства, что дает основание сторонникам отсутствия молдавского этноса утверждать, что у молдаван не было своей интеллигенции. Но о том, что это не так, в частности, свидетельствует недавно увидевшая свет фундаментальная двухтомная монография В.В. Морозана [Морозан, 2018].

IV. Образ молдаванина в творчестве русских писателей

А. Ф. Вельтман. И. С. Аксаков. А. С. Афанасьев-Чужбинский.

О. Е. Накко.

А. Ф. Вельтман. Говоря о научном и художественном наследии Александра Фомича Вельтмана, следует отметить его большую эрудицию и тонкое внимание к деталям (у читателя еще будет возможность в этом убедиться).

На страницах романа «Странник» А. Вельтмана можно встретить отдельные художественные описания Бессарабии и тонкие зарисовки бессарабской жизни.

Поэтически образно писатель говорит о расположении края, сразу давая понять, что Бессарабия представляет собой часть исторических земель Молдовы: «Если я буду писать, например, о Бессарабии, что она лежит между такими-то и такими-то градусами широты и восточной долготы, что она граничит с такими-то и такими-то государствами, лесом, дорогами и т. д., что ее населяют такие-то жители, что в ней столько-то цынутов, или уездов, то, мне кажется, подобным описанием я отобью хлеб у географии – этого я не хочу делать: я скажу только, что Бессарабия лежит на земном шаре в виде длинной фигуры, склонившей главу свою на отрасль Карпатских гор и призывающей в объятия свои родную Молдавию» [Вельтман, 1831: 31].

Следует напомнить, что А. Ф. Вельтман обладал тонким поэтическим чутьем. Его стихи и писательский талант высоко оценивал А. С. Пушкин. Так, в «Страннике», делаясь своими впечатлениями о Бессарабии и Кишиневе, автор удачно вкрапляет в прозу свои стихотворения, создавая особую образную картину южного края, наполненную точными мазками художника, передающего нравы молдаван, красоту их женщин и специфику быта, еще находящегося под влиянием турецкого наследия (особенно в среде бояр) [Вельтман, 1831: 31].

С конца XVIII в. и вплоть до революционных событий 1917 г. русские войска в ходе сражений с турками практически постоянно находились на территории края. Во время самих военных баталий их численность, естественно, увеличивалась. В связи с этим В. Стати, изучая творчество Вельтмана, сделал любопытное наблюдение. Считаю целесообразным привести его целиком: «В „свободном романе” А. Вельтмана немало

печальных романтических драм, характерных, по сути своей, для этнической истории края:

В Молдавии, в одной деревне
Я заболел...
...Лишь хозяйка,
Все целомудрие храня,
Ходила около меня...
И исповедовалась:
– У нас здесь полк стоял пехотный...
Меня любил фельдфебель ротный...
Уж кажется, прошло два года,
Парентий (отче, священник) нас благословил
И вот до самого похода
Со мной Илья Евсеич жил.
.....
Я много слез по нем лила...
.....
С полгода, как я вышла замуж.
Мне молдаванская земля
Мила: хоть здешняя я родом,
Но вылита я в москаля,
Поручика, который взводом
В деревне нашей с год стоял...³⁰

...Не счесть, сколько только в XIX в. взводов, полков, сколько фельдфебелей, поручиков, майоров, полковников, бесчисленное количество солдат благословил, а еще больше не благословил священник Парентий, после чего сотни тысяч (так в тексте – прим. авт.) Марвелиц (Маргьолиц) подолгу или понемногу лили слезы и качали красивых русоволосых Ванюшек и Марусь, которых в Молдавии и сегодня многое множество. В этом шутовском, но в то же время и грустном поэтическом экспромте А. Вельтмана своеобразно отражается особая сторона этнодемографических процессов в Молдавии XIX в.» [Стати, 2007: 23-24].

Внимательный читатель может заметить, что похожая ситуация могла складываться и при турках. В какой-то мере – да. Но нельзя забывать, что когда речь идет о конце XVIII – XIX вв., то подразумевается время, когда религиозная принадлежность продолжала играть далеко не последнюю роль. Конечно, и турки сманивали или увозили силой молдаванок, при этом, за исключением райя, турки бывали в крае эпизодически, а русские находились в нем практически со времени начала военных кампаний.

Мозаичность подачи информации характеризует беллетристические описания молдавской повседневной культуры: «В котором-нибудь из этих селений мы остановимся. Садитесь, гости мои, под акацию; она разливает на нас благоухание свое; столетняя липа заслонила нас от солнца. Хозяин мазил уже заботится, чтоб угостить вас. Земфира и Зоица выносят приданое свое,

разноцветные ковры своей работы, стелют на траву. Они не смотрят на вас, но очи их быстры и пламенны, темно-русые волосы завиты в косу, румянца их не потушит и время, груди их пышны, все они – свежесть и здоровье!

Вот несут вам кисти прозрачного винограда, волошские орехи, яблоки, сливы, груши, дыни, арбузы, едва только снятый сот, душистый, как принесенный ореадой³¹. Мелиссою. Домашнее вино легко и здорово. Чу! раздались скрипка и кобза; два цыгана запели мититику³²; старшие дочери-невесты собираются на джок; молодые молдаване лихими наездниками толпой подскакали к ним, слезают с коней, и все становятся в кружок. Здесь вы видите, как безмолвствуют уста их, как их взоры прикованы к земле и как движутся руки, ноги и весь кружок.

Долго продолжается мититика, и наконец следуют за ней сербешты, болгарешты и чабанешты³³. Это веселее и живее» [Вельтман, 1831: 45].

Вельтману удается в одном предложении продемонстрировать полиэтничность края, с его экзотикой, добрым расположением к таким, как он, «странникам», а с другой стороны, тонко подчеркнуть, что для него, приезжего, носителя другой большой культуры, молдаване, цыгане, евреи и другие народы, мелькающие в его зарисовках, лишь экзотическая мишура русской окраины: «Устал я с дороги!.. Есть, пить, спать!.. Эй! Мой, циганешты, молдовенешты, румунешты, гречешты, формошика! ди грабе! мынкат!»³⁴

Образы Вельтмана аллегоричны, потому они воспринимаются столь ярко, оставляя в душе четкий отпечаток авторского видения предмета. Этот момент еще важен в контексте нашего разговора в том плане, что анализируется творчество носителя другой культуры, пытающегося интерпретировать культуру изучаемого народа.

В. П. Горчаков, один из близких друзей А. С. Пушкина, во время его бессарабской ссылки приводит в своих воспоминаниях описание кишиневского базара. В нем уже в другом жанре передается атмосфера базара Кишинева того времени, о котором писал Вельтман: «Проехав таким образом с версту, мы повернули налево мимо собора и вскоре очутились на Старом базаре, или точнее, на образцовом для меня рынке, какого мне еще не случилось видеть.

Вся небольшая площадка самого базара и прилегающие к ней улицы были загромождены небольшими, полутемными лавками и пестреющей толпой разноплеменного народа. Тут были: молдаване и греки, итальянцы и немцы, болгары и армяне, турки и жида, малороссияне и русские крестьяне-переселенцы, сохранившие исключительно во всей свежести свой наряд и приемы» [Воспоминания Горчакова, 1931:60].

Весьма образно рисует Вельтман вступление русских войск в Молдавию в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. «Однако ж войско перешло уже границу. Отряд ген.-лейт. барона Крейца вступил в Яссы. Бым-бешлы-ага исчез, а диван-эффенди³⁵ и владетельный князь предались покровительству России³⁶.

Народ обступил полки уланские, благословляя знамена русского царя. Восторженный этерист³⁷ в черной одежде и клобуке кричал: виват, император

Николай! – Руки его подняты были к небу, в правой была развернута книга предсказаний. „Лети, России светлый ангел!” – кричал он по-гречески.

„Лети, России светлый ангел!
Твой пламенный нам в помощь дан,
То предсказал нам Агатангел,
То прорицал нам Иоанн!”

„Venit, venit Moscal! Venit cavaleria di Imperat! slava luy domnodseu ^{38!} χαλαινε ^{39!} халоса! халоса! ши еу ⁴⁰ служил государски!” – кричало одно греческое существо, тощее, как остов человеческий, служившее при князьях молдавских и видевшее на своем веку много чудес, и, между прочим, еврея-колдуна, который вызывал заклинаниями всю нечистую силу в стакан, наполненный водою... Пир горой в стакане, шум, визг и крики <...> но вот является старшой <...> садится нечистая сила за браный стол <...> судят и рядят <...> про судьбу гадающих, про клады, про пропажу, про виноватого, про вора... Стоит еврейский колдун над стаканом с огромным Талмудом, читает молитвы, заклинания и повторяет речи нечистой силы, предсказывает и – все сбывается!..» [Вельтман, 1831: 84-85]

В данных очерках просто нет возможности анализировать все произведения А. Вельтмана, написанные по молдавской тематике: «Радой», «Джок», «Два майора», «Костешские скалы», «Урсул» и другие, как подчеркивают исследователи, наиболее этнически насыщенные творения автора о Пруто-Днестровской Молдове [Стат, 2007: 22].

Творчество Вельтмана является дополнительным ярким свидетельством значительного влияния России на общественно-политические и культурные процессы в Бессарабии и в Дунайских княжествах.

У нас еще будет возможность остановиться на освещении вклада авторов художественных произведений, отразивших в своем творчестве отдельные стороны традиционной народной культуры, вопросы идентичности и межкультурного диалога. Но здесь хотелось бы отметить роль литературного слова как популяризатора знаний или, по меньшей мере, представлений об определенной территории и ее населении, нравах, идентичностях последнего.

Заметим, что художественные произведения читает намного большее число людей, нежели специальную (научную) литературу, поэтому трудно не оценить ее значение при формировании представлений об истории и географии определенного региона.

Время пребывания А. Ф. Вельтмана в Бессарабии совпадает с нахождением в ней А. С. Пушкина [Кушниренко, 1990]. Пушкин симпатизировал творчеству Вельтмана.

Период специфической пушкинской ссылки в Бессарабии ⁴¹ оказался насыщенным новыми творческими замыслами⁴² и произведениями, вышедшими из-под пера писателя. В них он делился впечатлениями о местных народах (молдаванах, греках, болгарях и др.).

Можно сказать, что с легкой руки поэта образ жителя Бессарабии стал ассоциироваться у обывателя России с цыганами. Всем известна фраза,

начинающая повествование в его поэме «Цыганы», фраза «Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют...»⁴³

В творчестве русских писателей А. Ф. Вельтмана, дружившего с ним А. С. Пушкина, и других четко прослеживается идея, формирующая у читателя представление о том, что Бессарабия является русской землей, обогрени кровью ее воинов. Приведем знаменитое стихотворение А. Пушкина, адресованное Е. А. Баратынскому из Бессарабии (1822):

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна [Пушкин, 1947: 235].

Последующие события 1848 г. – революционного европейского года – лишь ускорили дальнейший процесс духовной интеграции Валахии, Трансильвании и Молдовы. Сами результаты революций в Дунайских княжествах носили относительный характер. По сути, провалившаяся революция в Молдавии (кстати, не без участия русских войск⁴⁴) способствовала формированию отрицательного образа России в среде части местных интеллектуалов, недовольных вмешательством иностранного государства в судьбу страны.

Главный итог событий 1848 г. в Валахии и Молдавии заключается в смещении акцента с борьбы за национальное освобождение (чего удалось добиться частично) на формирование идеи объединения двух княжеств⁴⁵.

Русское правительство серьезно опасалось распространения революционного пожара 1848 г. в Бессарабии, которая и без того прослыла вольницей⁴⁶. Но действия «Южного общества» декабристов не могли не сказаться на ограничительных мерах в крае после 1828 г.

И. С. Аксаков. В ноябре-декабре 1848 г. в Бессарабии побывал писатель, этнограф, издатель, славянофил по взглядам – Иван Сергеевич Аксаков⁴⁷. У нас еще будет возможность познакомиться с его наблюдениями в разделе, посвященном русскому населению, для изучения которого (а вернее – раскольнического движения) он и был направлен в командировку.

Обращает на себя внимание скрупулезность И. С. Аксакова. В письме родителям он подчеркивает: «В Бессарабии я буду путешествовать медленнее, останавливаясь в каждом городишке, в каждом значительном селении и намереваюсь вести дневник или просто писать вам письма» [Аксаков, 1991: 244]. Несколько отстраняясь от темы, отметим: Аксаков был очень привязан к родителям. К отцу он обращался не иначе как к «отесеньке». Кстати, его откровения в письмах с близкими сказались на его карьере.

В связи с тем, что пребывание Аксакова в Бессарабии определялось задачей изучать историю раскола и положение раскольников, его заметки о местном населении, в том числе о молдаванах, носят отрывочный характер. Но некоторые важные замечания, касающиеся предмета нашего разговора, у Аксакова можно встретить.

Так, обращает на себя внимание следующий пассаж: «Молдаванскому движению в пользу соединения Молдавии, Валахии и Бессарабии в одно государство здесь сочувствия не было» [Аксаков, 1991: 255].

Бессарабия в зарисовках И. С. Аксакова выглядит следующим образом: «Сюда впущены все секты, здесь узаконено самое бродяжничество, словом, приняты все меры, только чтоб как-нибудь населить край, и, конечно, нигде правительство так не настряпало много, как здесь... Оно настроило городов с греческими именами, снабдило их казенными учреждениями, устроило почтовые станции, дорогу и почтовую гоньбу, пригнало стаи чиновников, и, надо сказать правду, вслед за правительством, под сенью русской силы, приходит себе сюда русский человек, как во вновь приобретенный свой дом. Как бы там ни было, но, кажется, что земля, где Россия распорядилась таким образом, едва ли отторгнется от нее» [Аксаков, 1991: 255].

В другой работе автора Бессарабия представлена как «пестрый край, населенный молдаванами, русскими, евреями, греками, армянами, русняками, хохлами и цыганами, – край, прилегающий к Турции, Молдавии и Австрии, служит издавна приютом бродягам всякого рода и местом постоянных сообщений наших русских раскольников поповщинского толка с их заграничными единоверцами» [Аксаков, 1991].

В письмах родным Аксаков не выбирал выражения, ощущается его взгляд свысока на местное население в целом. Собственно, никто не говорит о том, что Аксаков должен был его восхвалять, но в его характеристике жителей края, в первую очередь молдаван, порой прослеживается откровенно негативная характеристика. Ему принадлежит выражение «молдаване – дряблый народ» [Аксаков, 1994: 386] или «молдаване, попадавшие мне по дороге, довольно зверообразны...» [Аксаков, 1991: 256]. Он неоднократно повторяет мысль о том, что молдаване ленивы, обращая при этом внимание на то, что их женщины более трудолюбивы в сравнении с мужчинами.

Автору свойственно отмечать стремление молдаван к обустройству своего жилища: «Молдаванские хаты еще чище и красивее малороссийских; как бы ни был беден молдаван, хата его убрана коврами и разными домашнего искусного рукоделья тканями, которых даже и не продают. Впрочем, это все труды женские; женщина в этих сторонах деятельна и трудолюбива и несравненно выше мужчины. Омолдаванившийся хохол в десять раз ленивее коренного хохла. Хозяин моей хаты, отбив подводную повинность, дня два с видом невыразимой неги пролежал за печью, говоря только от времени до времени: „Когда эти государи между собой замирятся!“ Вообще вся Херсонская губерния и Бессарабия сильно истощены и разорены войною (речь идет о русско-турецкой войне 1853–1856 гг. – прим. авт.) и неурожаем: хлеба нет вовсе, и другой пищи, кроме мамалыги (кукурузы) и то в малом количестве, нет» [Аксаков, 1991: 392–393].

А. С. Афанасьев-Чужбинский. Далее, при описании еврейского народа, ряда других этносоциальных сообществ, проживавших в крае, читатель еще будет иметь возможность познакомиться с фотографическими

описаниями их культуры и быта, оставленными писателем-этнографом Александром Степановичем Афанасьевым-Чужбинским.

В 1856 г. Правительством Российской империи был основан специальный комитет для изучения морей и речных артерий государства, проведения топографических исследований и описания положения и быта исследуемых побережий. В состав данного комитета вошли писатели А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, М. Л. Михайлов и многие другие, среди которых был и Александр Степанович Афанасьев, известный под псевдонимом Чужбинский.

Родился А. С. Афанасьев-Чужбинский в 1817 г. в Лубянском уезде Полтавской губернии. Учился в Нежинском лицее. После продолжительной военной службы ушел в отставку и занялся редакционной, писательской и краеведческой деятельностью [Абрамов, 1926: 263-264]. Был активным членом РГО и Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа [Горленко, 1988: 153; 155]. По заданию вышеуказанного комитета он исследовал бассейны рек Днепра и Днестра.

Для публикации результатов работы указанного комитета был учрежден специальный ежемесячный журнал «Морской сборник». В нем впервые была опубликована работа Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию». Позже эта работа вышла в двух томах под названием «Очерки Днепра» (Ч. I) и «Очерки Днестра» (Ч. II).

После окончания экспедиционной работы Афанасьев-Чужбинский вернулся в Петербург, где занимался в основном литературной и журналистской деятельностью. В последние годы своей жизни он работал смотрителем Петропавловского музея. Умер в Петербурге 6 сентября 1875 г. В историю украинской культуры его имя вошло не только благодаря литературной деятельности и двухтомной работе «Поездка в Южную Россию», но и многочисленным статьям по украинской этнографии, филологии, в частности по литературной критике.

К неординарной личности и творческой деятельности Афанасьева-Чужбинского относились по-разному. Измаил Иванович Срезневский достаточно высоко оценивал его вклад в науку. Полярной точки зрения придерживался известный ученый XIX столетия А. И. Яцимирский, резко отозвавшись об этнографической «Поездке в Южную Россию». Он считал его дилетантом, присвоил ему ярлык «туриста» [Лукьянец, 1986: 73], не учитывая того, что это был один из первых опытов сбора этнографического материала на окраинах России, и любая информация, собранная даже неквалифицированными специалистами, была важна.

Иван Франко отмечал недооценку работ Афанасьева-Чужбинского в среде украинских ученых, считавших, что «он как-то неопределенно держал себя в вопросах украинской политики: не то шел рука об руку с „громадою“, не то тянул в сторону „москалей“» [Франко, 1983: 29]; сам Франко высоко оценивал его научные заслуги.

Тут необходимо сделать пояснение: дело в том, что Афанасьев-Чужбинский оставил весьма подробные наблюдения, посвященные

украинскому населению, проживающему на Днестре (1-я часть его очерков) и русино-украинского населения Днестра (2-я часть очерков). Поэтому внимание к нему как к исследователю украинской темы не случайно. Но вторая часть его очерков помимо русино-украинцев подробно освещает жизнь и быт евреев и молдаван. Впрочем, мы еще остановимся на данной работе, когда будем говорить об изучении украинского и еврейского населения Бессарабии авторами из России.

Положительную характеристику работ Александра Степановича, с рядом заслуженных замечаний, можно встретить у украинского исследователя советского и постсоветского периода – Владимира Федоровича Горленко [Горленко, 1988: 155].

Богатый фактологический материал требует более детального рассмотрения труда А. С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию».

Очерковость работы Афанасьева-Чужбинского хорошо разбавлена документальным стилем (беллетристический жанр этому благоприятствует). В очерках повествуется об отдельных сторонах жизни населения Поднестровья, будь то ведение сельского хозяйства, социальная иерархия на селе, взаимоотношения местного населения с евреями, нравы, народный досуг и т. п.

Поэтому многие его описания скорее сродни подробному этнографическому дневнику этнографа-полевика. Туда попадает немало того, что не отражается в официальных отчетах и в публикациях, но что не менее ценно для представления о реальном положении народа.

Вот, например, попытка Афанасьева-Чужбинского представить положение владельческого крестьянина без прикрас: «Известно, что крепостное право в Бессарабии тяготеет над одними цыганами, составляющими класс дворовых; но собственно крестьяне свободны и живут на владельческих землях по контракту, основанному на обоюдном договоре. В силу положения, составленного землевладельцами и утвержденного правительством, помещик за землю, даваемую крестьянам, пользуется от последних только 12 днями работы в год да десятой частью от продуктов; затем не существует никаких взаимных отношений. Сельские общины избирают старосту, группируются в волости под начальством тоже выбранного головы и, по-видимому, пользуются самоуправлением под ведением земской полиции. Но в самоуправление вкралась помещичья власть, ибо помещик может наказать крестьянина за леность и грубость по закону самым незначительным количеством ударов. Казалось бы, чего и желать более. Край должен благоденствовать, и он действительно благоденствует... на бумаге, в отчетах начальства. На деле выходит совершенно другое, и нет у нас в России беднее и угнетеннее сословия, как бессарабские владельческие крестьяне вследствие злоупотреблений чиновничества и отчасти по причине доверия правительства к составителям положения о распределении рабочего времени. Двенадцать рабочих дней в год, казалось бы, какое слабое вознаграждение за землю; но эта самая незначительность и должна возродить

подозрение в существовании какой-нибудь недобросовестной лазейки, без чего дворянство могло бы служить образцом гуманности и высоких христианских добродетелей. Я сам думал сначала, что владельческие крестьяне народ ленивый и неблагодарный, бедность их приписывал пьянству и непростительной беспечности, ставил им в пример прочие губернии, где крестьянин отдает половину труда, а все-таки при усердии и заботливости имеет кусок хлеба; но ближайшее знакомство с краем открыло мне глаза, и я убедился, что бессарабский крестьянин работает больше других и что личность его не избавлена ни от побоев, ни даже от истязаний. Многим это может показаться невероятным; найдутся люди, готовые опровергать меня, вооружась печатными постановлениями; но ведь я недаром жил по деревням Бессарабии. Заметьте, что везде, говоря о рабочих днях, помещик прибавит прилагательное «пунктóвый», а пунктóвый день к обыкновенному рабочему дню относится как один к восьми или, по крайней мере, к семи... Приказчик, а иногда и сам посессор, вооруженный длинной плетью, точь-в-точь американский плантатор, присматривает за рабочими, и нередко кнут безнаказанно гуляет по спине свободного крестьянина» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 19-20].

Автор подчеркивает, что сами помещики редко проживали непосредственно в имениях, а тем более вмешиваясь в их управление: обычно они отдавали их в посессию «грекам, армянам, полякам, молдаванам, евреям и кое-где русским. Заплатив помещику порядочную сумму, посессор заботится только о наживе, и от подобного господина трудно ожидать гуманных стремлений, да и мечтать о гуманизме было бы как-то дико при взгляде на поименованные национальности» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 20-21].

Особенно тяжело, по мнению Александра Степановича, приходилось монастырским царанам. «Ни более, ни менее заграничные монастыри владеют в Бессарабии 286,961 десятиною земли на правах помещиков и, надо сказать, помещиков самых стяжательных и негуманных» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 265]. Автор разделяет черное и белое духовенство, подчеркивая, что «собственно же молдавское белое духовенство и монахи тех монастырей, которые удавалось мне видеть, обходятся с народом хорошо и не могут похвалиться особенным благосостоянием... Священники же большей частью живут бедно, а церкви повсеместно в незавидном положении» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 267-268].

Усугублялось положение владельческого крестьянина еще и серьезным полицейским надзором: «Его приколотит голова, побьет участковый заседатель (становой), высечет и земский начальник (исправник) не только за всякий вздор, но часто и без всякой причины» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 24].

Особенно крестьянам доставалось от каларашей – «гвардейцев» земского начальника, разъезжающих с поручениями и приводящих в ужас «целую деревню». «Следуя куда-нибудь с приказанием, он обыкновенно приезжает в деревню, бросает свою лошадь и садится на крестьянскую,

которую переменяет в следующем селе, и таким образом исполняет поручение. Но лошади его, сколько бы ни находилась она в селении, обязаны давать овса и сена. О личном угощении калараша я и не говорю: всякое продовольствие, особенно водка, доставляется ему в подобающем количестве, в противном случае в опасности не только личность хозяина, но и самого старшины». Автор добавляет: «Разумеется, все эти действия чисто произвольны; калараш не имеет ни на что права и никакой власти, но, состоя в земском суде, спешит пользоваться привилегиями, захваченными полицией» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 24].

Мы не случайно столь подробно остановились на цитировании Афанасьева-Чужбинского. Среди писателей XIX в. он является одним из немногих, кто очень подробно остановился на освещении социального положения бессарабского крестьянства.

Ему же принадлежит подробное описание жизни и быта молдаван, их антропологии и национального характера, языка, взаимоотношений в семье, фольклора, занятий и жилища.

Медлительность молдаван и руснаков Афанасьев-Чужбинский объяснял весьма своеобразно, а именно тем, что полевые работы и те и другие осуществляли при помощи волов, «которые, как известно, отличаются медлительностью движений» [Афанасьев-Чужбинский, 1893: 257–258].

Женщина у молдаван, по мнению писателя, пользовалась значительно большей свободой. Он очень высоко отзывается о красоте и чистоплотности молдаванок [Афанасьев-Чужбинский 1893: 264]: «Молдаванки отличаются своею милοвидностью, прекрасными глазами и приветливостью. В редкой деревне вы не увидите одной – двух красавиц; хорошеньких множество, так что почти можно сказать утвердительно, что между молодыми девушками и женщинами трудно встретить некрасивое лицо <...>. Кроме красивой наружности в чертах каждой, особенно молодой, молдаванки разлита необыкновенная приятность, а в глазах такая приветливость, что самый застенчивый человек не побоится завести с нею разговор» [Афанасьев-Чужбинский 1893: 259]. Им же была подчеркнута присущая молдаванам мягкость в семейных отношениях: «Я нарочно искал случая убедиться в противном и не находил его <...> только разве в пьяном виде молдаванин побурлит немного, да и то вспышка эта ограничится энергичными ругательствами, которые, впрочем, ничего не доказывают, потому что молдаване, как и руснаки, ругаются на каждом шагу...» [Афанасьев-Чужбинский 1893: 258].

На момент своей экспедиции по северным районам Бессарабии (это конец 50-х гг. XIX в.) Афанасьев-Чужбинский констатировал практически полное незнание молдаванами русского языка [Афанасьев-Чужбинский 1893: 257]. При этом молдавский язык простолюдинов Бессарабии явно отличался от того, который трансформировался за Прутом. Вот как описывает этот феномен писатель: «Мне разъяснили, что бессарабские молдаване говорят не по-книжному, что современные румыны выбрасывают многие славянские слова и сочиняют новые или вводят латинские, так что статью, напечатанную,

положим, в „Дунайской звезде”, не поймет житель Бессарабии, если он не образован» [Афанасьев-Чужбинский 1893: 257].

Говоря о молдаванах края, А. А. Афанасьев-Чужбинский неоднократно проводит параллель в обустройстве их жилища, внешнем облике и манере поведения с руснаками, подчеркивая давность проживания в крае этих двух этносоциальных сообществ.

О. Е. Накко. Классическим примером русского художественного творчества изучаемого времени являются произведения Ольги Егоровны Накко⁴⁸.

Она специализируется как очеркист и беллетрист. При первом ознакомлении с ее произведениями формируется ложное впечатление об упрощенности подачи сюжетных линий. Это обманчивое впечатление компенсируется богатым и, самое главное, точным этнографизмом, которым, буквально пропитаны произведения писательницы.

Творчество Накко наглядно демонстрирует огромную пропасть, которая сложилась между простолюдинами молдавского села и представителями просвещенных привилегированных кругов, к которым принадлежал прежде всего ее читатель. Суеверия, страх перед неведомым, мстительность наполняют атмосферу рассказов Накко.

Вместе с тем Накко выступает реалистом своего времени. Очень показательно звучит рисуемая ею атмосфера «бессарабской старины», как оказалось, еще сохранявшейся в памяти ее современников, когда «Бессарабия не была так населена, как теперь; кроме Фрикошен, верст на двадцать кругом их, не было ни одного их жилья» [Ижболдина 2012: 36].

Красноречиво свидетельствует о суровой бессарабской действительности замечание писательницы: «...Только люди с железной волей, несколько жестокие могли жить тогда в Бессарабии; их окружала дикая природа, дикие люди, дикие порядки, турецкие» [Ижболдина 2012: 37].

Как видит читатель, автор рисует довольно мрачную и однообразную картину бессарабской повседневности: «Первый огонек в окне помещика служил сигналом, чтобы запирали ворота, и после этого было строжайше запрещено впускать или выпускать кого бы то ни было: ни гостей, ни чужих, ни даже своих» [Ижболдина 2012: 36].

Интересны рассуждения автора о купеческом сословии греков, которых при турках было немало в Бессарабии: «В настоящее время, в деле эксплуатации Бессарабии евреи вытесняют греков. Об этом нельзя не пожалеть, потому что греки, эксплуатируя страну, сливались с ее коренным населением и вносили в нее известную долю цивилизации» [Ижболдина 2012: 41].

Показательно звучит информация о первом периоде после присоединения Бессарабии к России: «В те времена русский элемент был еще совершенно чужд в Бессарабии. Тогдашнее общество пренебрегало русскими чиновниками, избегало всяких отношений и знакомств с ними и вовсе не употребляло русского языка» [Ижболдина 2012: 47]. Очень показательно звучит информация через несколько страниц. Одна из главных героинь

рассказа «Фрикошены» Элянуца, по словам писательницы, когда пришли русские была семнадцать лет (ну, может, чуть меньше), она говорила по-молдавски, по-гречески и по-немецки, а русского не знала совсем. Когда же ей исполнилось восемьдесят лет, к ней приехала правнучка, которая вообще не знала молдавского и говорила только на русском. Так менялись языковые предпочтения в обществе, и, что обращает на себя внимание, Накко сумела это тонко передать читателю.

В другом своем произведении – «Дочь колдуньи», переданном автором как предание, перед читателем предстают народные нравы традиционного молдавского села, где сообщество руководствуется в жизни суевериями и страхами перед колдовством. Сама героиня Ния прибегает к нему и после неудачи обращается к Богу и уходит в монастырь.

Глубоким трагизмом насыщен рассказ «Волк». В нем помимо острого сюжета читатель встречает многочисленные этнографические вкрапления, связанные с традиционными представлениями молдаван о мире сверхъестественного, о повседневной культуре народа, его ценностях.

Рассказ «Папаруда» полностью описывает сохранившийся в народе обряд вызывания дождя. Писательница зафиксировала важную деталь – двойные похороны куклы «Папаруды» в земле на поле и в реке.

Современная исследовательница творчества Ольги Накко Ирина Ижболдина справедливо отметила особый принцип представления людей и обстоятельств в творчестве писательницы: их основная линия – описание бессарабской старины, культуры повседневности молдаван. «В таких произведениях на первом плане – не судьбы и развитие характеров героев, а общественно-бытовая среда, определяющая их повседневное существование, поведение и психологию» [Ижболдина 2012: 26].

Собственно, можно было бы продолжить рассмотрение творчества писателей – таких как В. Г. Короленко, Н. Г. Гарин-Михаловский и др. Здесь в Бессарабии начинает свою журналистскую деятельность Л. Н. Толстой [Русская литература Молдовы 2003: 53]. У этих и массы других русских авторов современный исследователь «русского периода» бессарабской истории встретит немало фотографических описаний культуры повседневности и экскурсов в историю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XIX в. в истории Бессарабии насыщен многочисленными судьбоносными событиями. 1812 г. стал завершающим аккордом в ее судьбе, отделив ее от запрутских земель Молдовы.

Развитие края пошло по другим алгоритмам, свойственным окраинной территории Российской империи. Одной из новых характеристик Бессарабских земель в XIX столетии является качественное обновление этносоциальных сообществ, проживавших в крае (задунайские переселенцы, немецкие и

швейцарские колонисты, русские и украинские казаки, официально переселенные жители из русских губерний и Украины, наряду с массой беглого люда, находившегося в поисках лучшей доли), миграции из-за Дуная и обратно – это те глобальные процессы, которые, по сути, изменили этнокультурный облик края.

Нельзя забывать и об этноконфессиональной составляющей. Основная масса жителей края, за исключением евреев, исповедовала православие. В то время религиозная принадлежность продолжала выполнять не только серьезную мобилизационную роль, но и выступала в качестве мощной культурной платформы.

И здесь необходимо подчеркнуть роль и значение бессарабских священнослужителей. Бессарабская церковь, ориентированная на Москву, как бы сама проводила границу по восточно-романскому культурному пространству, о котором писал С. Хантингтон: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные христианские народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в четвертом веке и создания Священной Римской империи в десятом. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока; через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Оттоманской империями. Это – культурная граница Европы, и в мире после „холодной войны“ она стала также политической и экономической границей Европы и Запада.

Таким образом, полицивилизационная модель дает четкий исчерпывающий ответ на вопрос, стоящий перед жителями Западной Европы: „Где заканчивается Европа?“ Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *sotto voce*, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков» [Хантингтон, 2003: 100-101].

Обращает на себя внимание, что все названные этнические трансформации протекали в немалой степени под влиянием религиозной составляющей, – православной религии, наиболее распространенной в Бессарабии и являющейся официальной во всей России. Православие, в его проявлении в славяно-молдавском летописании, сыграло важную мобилизационную роль в утверждении молдавской идентичности.

В ходе становления румынского государства в православной традиции страны наблюдается важное изменение – отказ от ведения служб на

церковнославянском языке. В связи с этим, в монастырях происходит ревизия литературы на церковнославянском языке. Начинается отдаление от Московского патриархата. Наибольшее расхождение началось после того, как румынская православная церковь перешла на использование григорианского календаря, в отличие от бессарабских священнослужителей, продолжавших пользоваться юлианским календарем.

Важно подчеркнуть, что тот самый исторический раздел, о котором писал С. Хантингтон, сохраняется в Румынии (в умах и сознании тех, кто занимается этой проблемой, основная масса населения фокусирует свое внимание на повседневных проблемах) и Республики Молдова. В последней вплоть до настоящего времени бушуют нешуточные страсти борьбы за румынскую или молдавскую идентичность. Предполагать, что в обозримом будущем что-либо изменится, рассчитывать не приходится.

Можно констатировать, что в истории изучения и освещения народов края сложились несколько этапов:

I этап – первая половина XIX в. (до 60-х гг.) – период, характеризующийся эпизодичностью сведений о культуре и быте формирующегося нового состава полиэтнического населения края. Это было время становления этнографии как научной дисциплины. Он характеризуется отдельными сведениями чиновников, офицеров и священнослужителей, выполнявших определенные поручения своих ведомств и оставивших после себя записки и описания малоизвестного тогда края. Здесь следует назвать П. С. Куницкого, И. С. Аксакова, А. Ф. Вельтмана и др.

В этот период в 30-е гг. русский этнограф Н. И. Надеждин, один из организаторов российской этнографической науки, объездил на двуколке Бессарабию и опубликовал свои записки. Это был практически первый опыт этнографической экспедиции в крае.

В 1845 г. П. Е. Задерацкий в «Московитянине» публикует первую работу, из которой читающая аудитория узнает, что среди болгарских переселенцев проживают гагаузы.

Можно утверждать, что в описании приобретенной бессарабской земли в России названные авторы были первыми. Их трудам, конечно, недоставало системности, но их сведения все равно бесценны. Кстати, авторы более поздней поры либо ссылались на них, либо просто заимствовали их наблюдения в своих сочинениях.

На этот период приходится появление многочисленных работ Аполлона Александровича Скальковского, заслуженно прозванного «Геродотом Новороссийского края». В его творчестве имеется немало трудов, затрагивающих историю Бессарабии и его население.

Завершением данного периода (начало – середина XIX в.) следует считать «литературную экспедицию» А.С. Афанасьева-Чужбинского в Юго-Западный край, осуществленную этнографом-беллетристом в 1857 г.

В конце первого этапа и в начале второго появляются труды офицеров русской армии, писавших о Бессарабии и бессарабцах.

Вообще, как успел заметить читатель, российские офицеры Н. Дарагнан, А. Зашук, А. Шмидт оставили подробные и подробные описания края и народов, в нем проживающих. Труды настолько серьезные, что без ссылок на этих авторов не обходится, по сути, ни одна исследовательская работа по XIX – началу XX вв.

II этап – 60–80-е гг. XIX в. – время не только реформирования страны, но и развития этнографической науки. В указанный период развивают активную деятельность научные общества (Русское географическое общество, Одесское общество истории и древностей), охватывающие своим научным вниманием население Бессарабии и левобережного Поднестровья, начинают работать местные органы учета и контроля, но одновременно и научного накопления данных (Бессарабский статистический комитет).

Своего рода центрами накопления научной информации становятся местные и столичные периодические издания – в Бессарабии это «Бессарабские областные ведомости», «Кишиневские епархиальные ведомости». По мнению О. С. Лукьянец, периодическая печать выполняла функции научного центра [Лукьянец, 1986: 93].

Еще одним важным событием, характеризующим этот этап становления этнографической науки в крае, было появление в начале 60-х гг. собственно этнографических работ. Первой из них является «Этнографическое описание Бессарабской области» офицера Генштаба, талантливого исследователя А. И. Зашука. Его же перу принадлежат «Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область». В них, в частности, наиболее полно на тот период были представлены описания народов, проживающих в Бессарабской области.

В этот период начинают появляться работы, посвященные описанию отдельных народов. Один из примеров – публикация К. В. Ханацкого «Цыгане».

III этап охватывал 90-е гг. XIX в. – первые десятилетия XX в. Это было время обобщения накопленных ранее этнографических сведений, появления обобщающих работ по этнографии и создания местных научных центров. Наряду с этим, судя по работам начала XX в., можно убедиться, что в этнографии еще часто видели вспомогательную дисциплину.

Накопление этнографического материала привело к тому, что в конце XIX в. стали появляться различного рода обобщающие, синтетические работы. Среди них следует выделить многотомные труды энциклопедического характера, опубликованные П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, его сыном Вениамином Петровичем.

Публикуется книга П. Н. Батюшкова, по-разному воспринимаемая его современниками и современными исследователями.

Несколько позже, в 1918 г., вышла знаменитая работа Л. С. Берга «Бессарабия. Страна. Люди. Хозяйство».

Как успел заметить компетентный читатель, в приведенную периодизацию не попали многие известные труды, которые в силу двух причин не вошли в настоящие очерки. Автор данной книги ограничился

презентацией работ российских исследователей, стараясь не включать в анализ краеведов, многочисленные публикации, издаваемые в местной периодической печати и пр. Подобный подход был избран для того, чтобы продемонстрировать отношение авторов, пишущих о Бессарабии, к изучаемой территории и населению, на ней проживающему, в нашем случае, прежде всего – молдаванам.

Обобщая полученные сведения, следует отметить доброжелательность авторов в характеристике всех этносоциальных сообществ, о которых они писали. В отдельных случаях можно даже встретить сочувствие к доле крестьянина. Вместе с тем нельзя не увидеть определенную надменность в отношении местных жителей, что можно объяснить как новизной территории и привыкшему к внешнему гнету населению, так и значительной социальной дистанцией. Все писавшие принадлежали к привилегированным социальным слоям общества, поэтому простолюдины любой национальности вызывали у них свойственное времени пренебрежение. Напомним слова А. Шмидта, который подчеркивал, что старался писать объективно обо всех народах «племени человеческого». При этом в характере молдаванина он усматривает «еще какую-то дикость и склонность к предрассудкам и суеверию».

Несколько слов, отдельно от обозначенной условной периодизации, хотелось бы сказать о роли художественной литературы в трансляции этнических образов бессарабцев, их традиционно-бытовой культуры и фольклора.

Также необходимо остановиться на огромном пласте информации, накопленном в художественном наследии писателей того времени. Мы представили вниманию читателя лишь небольшую, но яркую палитру писательского мастерства А. Ф. Вельтмана, А. С. Афанасьева-Чужбинского, А. С. Пушкина и др.

Было обращено внимание читателя на то, что рассказ, очерк, в частности беллетристический, мемуарный жанр являются важными источниками в деле изучения народной культуры.

Отдельную страницу в сохранении исторической памяти о народе и его культуре представляет мемуаристика. Думается, достаточно привести два примера – воспоминания И. С. Аксакова и И. П. Липранди.

В кратких выводах можно еще раз констатировать, что Бессарабия, включенная в состав Российской империи, являлась экзотикой для большинства русских авторов – особенно в первой половине XIX в. Это была окраина, провинция, куда ссылали неугодных. Вспомним всем известную историю с А. С. Пушкиным.

Все это, конечно, вызывало интерес у просвещенной части общества, влияло на формирование у нее особых представлений о крае и проживающих в нем людях, прежде всего – молдаванах.

Примечания

1. Н. М. Дараган обращает внимание на сильное влияние славянизмов в румынском языке, подчеркивая, что «азбука принята славянская. Нынче печатают и русскими гражданскими буквами» [Дараган, 1849: 100].
2. По ходу изложения Н. М. Дараган использует термин «молдаване».
3. Здесь следует напомнить, что сам Н. Дараган, излагая в анализируемой работе краткие сведения об этнической истории восточных романцев, привел немало примеров, свидетельствующих о длительности проживания в крае их представителей и восточных славян [Дараган, 1849: 98–100].
4. Рассуждая о системе образования в Бессарабской области, Н. Дараган обратил внимание на наличие учебных заведений в немецких колониях, во всех еврейских местечках, подчеркнув, что Кишиневская еврейская школа готовила учеников для Одесского еврейского училища. Особое внимание уделил социальной иерархии учащихся. Так, дворяне предпочитали отдавать своих детей преимущественно в областную гимназию и в одесский Ришельевский лицей, а также в частные пансионы, находившиеся в Кишиневе и Одессе. Купеческие и мещанские дети поступали в приходские и ланкастерские школы [Дараган, 1849: 141].
5. Согласно официальной дореволюционной концепции, малороссы (украинцы) наряду с белорусами и великороссами считались составной частью русского народа [Рее, т 2008: 161–169]

Что касается русинов/руснаков Бессарабии, то они в ходе аккультурации и ассимиляции пополнили состав молдавского и украинского населения Бессарабии и Буковины. Сказалась и национальная политика в их отношении. Так, согласно материалам первой Всероссийской переписи 1897 г., в крае было идентифицировано всего 67 русинов. Правда, в межвоенный период румынские источники иногда выделяли русинское население. Окончательно оно исчезло из документальных упоминаний с установлением в крае советской власти.

6. «Ион даже отпустил Гашицу, так его увлекли те непонятные чужие слова “cred’a” (рум., здесь: «похоже» – прим. авт.) – ”русешті...” Слабое освещение восковой свечи едва освещало фигуру Иона, его опущенные до пола руки, остроносое лицо с выражением сосредоточенного внимания, широкие уста, что чудно кривились при произношении непонятных слов. Ион монотонно цедил слово за словом, а Гашица, сложив руки, слушала, как зачарованная.
 - Какой он умный! – подумала она, почувствовав в груди новый прилив чувств.
 - Бине? (рум. – Хорошо?) – спросил, закончив Ион.
 - Таре бине! (рум. – Очень хорошо!) – прошептала Гашица. Только я ничего не поняла.
 - Га! Этого и парни не понимают, не то что девчата». (Перевод с укр. наш – авт.)

[Коцюбинський М. Пе-коптьор].

7. Александр Иосифович Защук (1828–1905). Родился в семье отставного майора Йосифа Семеновича Защука и Анны Казимировны Галковской. В

1848 г. окончил Павловский кадетский корпус. Принимал участие в Венгерском военном походе 1849 г.

Вернувшись в Россию, продолжил образование в Императорской военной академии. Еще во время учебы был направлен в Севастополь, где принимал участие в боевых действиях с весны 1854 г. по осень 1855 г. Неоднократно был отмечен высокими государственными наградами и повышением в чине. О боевой доблести А. И. Защук, в частности, свидетельствует умелая операция, осуществленная под его командованием, когда спецотряд охотников ночью 1 октября 1854 г. выпустил боевые ракеты в коновязи английской кавалерии, чем причинил огромные потери армии противника.

Будучи тяжело раненым, А. И. Защук покидает боевые позиции и продолжает службу в Генеральном штабе. В 1862 г. составляет подробное двухтомное описание Бессарабской области, за составление которого производится в чин капитана и получает солидное денежное вознаграждение.

В последующем Защук командовал 128-м Старооскольским полком, затем 51-м Литовским пехотным полком. В 1877 г. он получил звание генерал-майора. В отставку вышел в 1880 г. Ушел из жизни 30 января 1905 г. в Ялте, где проживал с 1885 г.

Будучи профессиональным военным, А. И. Защук проявлял постоянный интерес к науке. Был членом РГО и Одесского общества истории и древностей. Он известен как исследователь, собравший богатый материал по истории, географии, демографии, этнографии и фольклору Бессарабии, сотрудничавший с «Бессарабскими губернскими ведомостями» и «Записками Одесского общества истории и древностей».

8. Как отмечал А. И. Защук, к сбору материалов для книги он приступил в 1859 г., а рукопись была завершена в начале 1861 г. См.: [Зашук, 1862: VI].
9. Кроаты (устар.) – хорваты.
10. А. Защук подчеркивает, что сведения о численности населения, особенно в связи с переходом отдельных частей края в состав Молдовы, составлялись на основе данных, предоставленных бессарабским военным губернатором в рапорте императору в 1861 г. Она составляла 988430 душ [Зашук, 1862: 186-187]. На описываемый автором период Бессарабия, за исключением ее южной части, причисляется Защуком к средненаселенным местностям России: «Бессарабию превосходят густотою населения 20 губерний, и 41 губерния уступает ей в населенности» [Зашук, 1862: 188].
11. Об этом достаточно подробно пишет В. Н. Стати. См.: [Стати, 2007: 15-35]
12. На это указывал и уже цитировавшийся И. С. Аксаков. Говоря о Бессарабии, он констатировал: «Сюда впущены все секты, здесь узаконено самое бродяжничество, словом, приняты все меры, только чтоб как-нибудь населить край...» [Аксаков, 1991: 255].
13. Несоизмеримо малая цифра даже с указанными в официальных источниках того времени данными, что свидетельствует о вышесказанном – царское

правительство было заинтересовано в освоении края и закрывало глаза на бродяжничество.

14. Аллегорическое словосочетание «голосование ногами» принадлежит Н. В. Бабилунге, применившему его в отношении молдаван Бессарабии, бежавших в МАССР См.: Бабилунга Н. В. «Голосование ногами» населения Бессарабии в 1940 г. – реальный референдум // Русин, 2010, № 1(19). С. 19-31.
15. Согласно мирному договору 1856 г., к Молдавии отошли Измаильское градоначальство и части Кагульского, Аккерманского и Кишиневского уездов.
16. Кейф – разговорное слово, означающее безделье, отдых. Отдельные авторы XIX в. отмечали еще меланхоличность и созерцательность молдаван (А. С. Афанасьев-Чужбинский и др.), объясняя это в том числе длительным нахождением народа под турецкой зависимостью.
17. *Conditio sine qua non* (лат.) – непременно (обязательное) условие.
18. В данном месте А. Зашук делает ссылку, наталкивающую сегодня на размышления. Он отмечает, что местное депутатское собрание лишило его «всякой возможности узнать что-либо о бессарабских дворянских фамилиях», в связи с чем он упомянул только самые известные.

Исходя из сказанного, возникает естественный вопрос: почему офицеру Генерального штаба Депутатское собрание отказало в получении самых простых сведений? Получается, что либо у А. Зашука не доставало полномочий, либо местная элита просто не хотела раскрываться перед контрольными структурами, к коим, не без основания, относились и чиновники в погонах.

19. [Kardiner, 1945]. «В основу личностной структуры» (*basic personality structure*), по А. Кардинеру, была положена формируемая на основе единого для всех членов данного общества модель миропонимания (опыта), включающая в себя такие личностные характеристики, которые делают индивида максимально восприимчивым к данной культуре и дают ему возможность достигнуть в ней наиболее комфортного и безопасного состояния.
20. У бессарабских христиан была традиция совершать паломничество, в силу известной близости, в Иерусалим или на Афон.
21. В молдавском традиционном сообществе ношение бороды регламентировалось социальным происхождением. Бороды носили только бояре. Социальные слои ниже статусом носили усы. Подобного рода внешнее разграничение продолжало иметь место и после включения Бессарабии в состав России.
22. Тут можно провести параллель с аналогичными ценностями, распространенными, например, у украинцев Херсонской губернии. Н. Дараган в середине XIX в. писал: «Коренные украинцы привязаны к хлебопашеству и гордятся своим положением, как земледельцев; они с пренебрежением смотрят на тех, которые оставляют это сословие для каких-нибудь других занятий, считая их гуляками, хотя весьма многие

обогащаются именно промысловым трудом. По той же самой причине пожилые украинцы противятся распространению грамотности между детьми, опасаясь, что они со временем оставят земледелие или, что по их понятиям еще хуже, будут избраны в должностные лица в их сельском управлении, т. е. будут поставлены против общественных интересов. Это причина едва ли не главнейшая, почему стремление к образованию, проявлявшееся в древнем казачестве, теперь совершенно угасло» [Материалы для военной географии и статистики России, 1863: 494].

23. А. Защук отмечал: «...Вслед за попечением об образовании духовенства, правительство обратило внимание и на образование светских сословий: сначала было открыто в Кишиневе первое приходское училище в 1822 году; затем в 1824 году открыто приходское училище в г. Бельцах, в 1827 году – в г.г. Хотине и Бендерах, в 1828 году – первые уездные училища в г.г. Хотине, Бельцах и Аккермане, в 1829 году в г. Кишиневе 1 уездное училище. Для вспомоществования распространению образования в 1831 году заведена в Кишиневе городская публичная библиотека, для всеобщего безвозмездного чтения, составлена из 2880 томов, частью купленных на пожертвованные деньги, а частью принесенных в дар библиотеке князем Воронцовым, губернатором Федоровым и многими частными лицами. В том же году Армянское общество на свой счет открыло школу в г. Аккермане. В 1833 году, 12 сентября, открыта в Кишиневе гимназия. В 1835 году учреждено училище для детей канцелярских служащих и при гимназии – благородный пансион. Кроме того, бывшим предводителем дворянства, Георгием Балышем открыт был детский приют. В 1839 году в г. Аккермане учреждено приходское училище; в том же году еврейское общество открыло в Кишиневе мужское еврейское училище. Потом, в 1843 году, в г.г. Оргеве, Сороках и Кагуле открылись ланкастерские училища, а еще до того, именно с 1836 года, начали учреждаться частными лицами пансионаты и школы для воспитания мальчиков и девочек. Из 5–6 этого рода заведений, в которых общим числом воспитывалось более 150 детей достаточных родителей, пансион девиц Ризо в Кишиневе, открытый в 1840 году для воспитания девиц, пользовался особым благоволением генерала Федорова и, под названием образцового, получал до сего времени из 10-процентного Бессарабского капитала ежегодно по 1500 руб. сер. вспомоществования от казны.

В 1841 году в Кишиневе открыт женский пансион девиц Фори, в 1842 в г. Бендерах – женский пансион г. Келпш. В 1843 в г. Кишиневе учреждены 2 частных воспитательных заведения. В 1845 году открыты евреями в г. Бельцах 3 первоначальных хедера...

Немецкие и болгарские колонисты, с самого начала своего заселения, почти в каждой колонии устраивали сельские школы.

Распространение просвещения с начала сороковых годов стало развиваться довольно быстро. В 1847 году всех детей обоих полов, обучавшихся в бессарабских учебных заведениях, включая и южную часть области, отошедшую впоследствии к Молдавии, было 3102 души, т. е.

обучался 1 из 268 душ общего населения; в пределах же настоящего очертания области обучалось в 1847 году только 2830 душ обоих полов, а через 10 лет, в 1857 году, если верить отчетам, всего в области обучалось уже 11037 душ обоих полов, что составляет 1 из 81 общего населения области» [Защук, 1862: 397-399].

25. Запрутская Молдова представляла собой наиболее развитый регион Молдавского княжества за все время его существования.

26. Готовящаяся новая военная кампания с Османской империей вынудила Россию ввести, наряду с гражданским губернатором края, должность военного генерал-губернатора.

27. Лев Аристидович Кассо (1865–1914) – министр народного просвещения России, бессарабский помещик. Получил высшее образование в Париже, Берлине, Гейдельберге. Преподавал в Дерптском университете, в Харьковском и Московском университетах. Доктор гражданского права, профессор. С 1908 г. руководил московским лицеем цесаревича Николая. С 26 сентября 1910 г. возглавил Министерство народного просвещения. Тайный советник (1911). Находился в серьезной конфронтации с либерально-демократической профессурой. Во время его руководства министерством была ликвидирована университетская автономия. В знак протеста многие профессора Московского университета покинули кафедры и были уволены. Вслед за московским университетом Кассо принял за другие высшие учебные заведения страны.

Ленин характеризовал ведомство Кассо как «...министерство полицейского сыска».

Л. А. Кассо – автор книги «Россия на Дунае и образование Бессарабской области» [Кассо, 2013]. См.: [Глинка, 2001; Советская историческая энциклопедия, 1965].

28 Лев Семенович Берг родился в 1876 году в небольшом уездном городе Бендеры Бессарабской губернии. После учебы во второй Кишиневской гимназии окончил физико-математический факультет Московского университета. Там Берг вступил в известное Общество любителей естествознания и антропологии и стал его активным членом. Он принимал участие в ряде экспедиций: исследовал Аральское море, озеро Балхаш, Иссык-Куль, работал в зоологическом музее русской Академии наук. В 1909 году защитил докторскую диссертацию на тему “Аральское море. Опыт физико-географической монографии”. В тяжелое десятилетие (1940-1950 гг.) Л.Берг возглавлял Русское Географическое общество СССР. Умер в 1950 году. В 1951 году ему была посмертно присуждена Государственная премия СССР.

Через всю жизнь пронес Л.Берг любовь к родному краю и живущим в нем людям. Он скрупулезно собирал литературу по Бессарабии и Буковине, подготавливая исследования, посвященные своей родине.

29. Обратим внимание уважаемого читателя на то, что в этой же серии, помимо «Бессарабии» Л. С. Берга, были выпущены книги по проблемным для

- молодой советской страны территориям: В. П. Семенов-Тянь-Шанский – «Финляндия», Н. В. Богоявленский – «Туркестан».
30. Стихотворение из произведения А. Ф. Вельтмана «Странник». CVII [Вельтман 1831: 63–64].
 31. Древнегреческие мифологические персонажи – горные нимфы.
 32. Название молдавского национального танца.
 33. Названия молдавских национальных танцев.
 34. Стилизованный перевод: «Эй, красавица! Цыганского, молдавского, румынского, греческого! Кушать, быстрее!» [Вельтман, 1831: 89].
 35. Бым-бешлы-ага, диван-эффенди – представители султана в Молдавском княжестве, при дворе господаря (владетельного князя) Молдовы.
 36. Речь идет о результатах войны 1828-1829 гг.
 37. Гетерист – участник тайного движения за независимость Греции от Османской империи.
 38. Идет, идет русский воин! Идет императорская конница! Слава государю (рум.).
 39. Да здравствует! (новогреч.).
 40. И я (молд.)
 41. Об особенностях ссылки писателя в Бессарабию написано немало. Достаточно напомнить, что во время пребывания в крае А. С. Пушкин пользовался возможностью возвращаться в высших кругах общества, путешествовать, что представлено в заметках И. П. Липранди. См.: [Липранди, 1866: 1031-1046]
 42. С кишиневским периодом связаны замыслы и появление таких пушкинских произведений, как «Узник», «К Овидию», «Черная шаль», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и др.
 43. Б. А. Трубецкой в своей книге обратил внимание на то, что первоначально Пушкин начал свою поэму следующим образом: «Цыганы шумною семьей в степях Молдавии кочуют», объединив запрутскую Молдову и Бессарабию. Но, потом, по словам исследователя, «желая выделить часть Молдавии, находящуюся в границах Русского государства, поэт определил более точно: „Бессарабия”». См.: [Трубецкой, 1990].
 44. Так получилось, что русские войска пересекли реку Прут без ведома Николая I.
 45. Стронником подобной идеи, между прочим, был лидер молдавской революции 1848 г. М. Когэлничану.
 46. Напомним о гетеристском движении, получившем распространение в Бессарабии, на действия которого российское правительство закрывало глаза в связи с тем, что в конечном итоге оно было направлено на ослабление Османской империи.
 47. Иван Сергеевич Аксаков (26.09.1823 – 27.01.1918). Родился в семье писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Нежная любовь родителей, патриотизм матери И. С. Аксакова Ольги Семеновны (в девичестве Заплатиной) и, что немаловажно, финансовая независимость способствовали формированию в доме С. Т. Аксакова творческой

атмосферы, сказавшейся на детях. Так, старший брат Ивана Сергеевича, Константин Сергеевич, – известный историк и филолог.

Говоря устами современников (см.: [Трубачев, 1896: 100]).

Иван Сергеевич был человеком разносторонних интересов. Службу начал в Правительствующем Сенате, но уже в начале карьеры его творческое начало не давало ему покоя. Тогда появляется его первое крупное стихотворное произведение «Жизнь чиновника, мистерия в 3-х действиях». В ходе карьерного роста, в 1848 г., он оказался в МВД чиновником особых поручений при графе Л. А. Петровском. Уже на следующий год был арестован за либеральные идеи. Но благодаря вмешательству императора Николая Павловича был освобожден и направлен в Ярославскую губернию для изучения вопроса о единоверии. Не переставал заниматься литературным творчеством. Еще в 1848 г. им была написана поэма «Бродяга», признанная одним из лучших произведений писателя. Именно она стала причиной окончательного ухода И. С. Аксакова в отставку, после чего он полностью отдался творческому процессу.

Однако и на этой ниве его неоднократно подстерегали новые испытания. Так, писатель неоднократно ограничивался в праве заниматься редакторской деятельностью (правда, спустя некоторое время ему вновь позволялось заниматься этим – до очередного запрета).

Параллельно с писательской работой И. С. Аксаков проявлял устойчивый интерес к описанию народного быта. Первый подобный опыт он приобрел в Бессарабии, куда был направлен в 1848 г. для изучения раскольнического движения. Подтверждением устойчивости его интересов служит высокая оценка научной общественности того времени его работы «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (1859).

О патриотических взглядах писателя свидетельствует его поступление добровольцем в ряды ополчения Крымской кампании.

После войны путешествовал по славянским странам. Много издавался. Заработал славу «пророка славянофильства». Еще при жизни И. С. Аксакова, в 1886–1887 гг., вышли семь томов его произведений. Еще два тома его писем увидели свет годом позже, когда автора уже не было в живых. Заметки о Бессарабии и ее населении нашли отражение в его эпистолярном наследии.

Умер Иван Сергеевич Аксаков от сердечного приступа. Несмотря на ограничения, с которыми он сталкивался в повседневности, его творчество высоко ценили разночинные граждане. Свидетельством тому – масса людей, принявших участие в его похоронах, пришедших отдать дань уважения его патриотизму и умению небезразлично жить. Не остался равнодушен и император, приславший вдове И. С. Аксакова телеграмму с соболезнованиями. Как написал уже цитировавшийся С. Трубачев, «в основе его (речь об И. С. Аксакове – прим. авт.) идеалов лежала горячая неподдельная любовь к России и сродственной ей славянской семье, любовь к правде, в том виде, как она ему представлялась» [Трубачев, 1896: 100].

Мысль Трубачева продолжила Т. Ф. Пирожкова в предисловии к книге И. С. Аксакова «Письма из провинции»: «Неожиданная смерть И. Аксакова в 1886 г. вызвала взрыв горести в русском обществе. Пресса была заполнена некрологами, от университетской церкви до вокзала Московско-Ярославской дороги (И. Аксаков завещал похоронить себя в Троице-Сергиевой лавре) гроб несли „как между двух живых стен” <...>

В юности И. Аксаков боялся прожить жизнь, не оставив о себе воспоминаний. Однако слово Аксакова пережило его самого». [Пирожкова, 1991].

48. Накко Ольга Егоровна (1832, Одесса – 1919 ?) – писательница. Окончила Одесский институт благородных девиц (1857). Жена молдавского историка Алексея Накко. В 1899–1917 гг. учительствовала в п. Вилково (ныне Килийский р-н), селах Измаильского уезда (ныне Одесская обл.).

Ее дебютом как писательницы стал рассказ «Волк» (1889). Автор многочисленных рассказов и очерков. Публиковалась в газетах «Бессарабский вестник», «Новороссийский телеграф», «Одесский вестник». Герои ее произведений – жители полиэтнической Бессарабии: молдаване, украинцы, болгары и др. Сохранились воспоминания О. Накко о первых месяцах пребывания А. С. Пушкина в Кишиневе (1899), о ее встрече с Л. Н. Толстым в «Ясной Поляне» (1912 г.). Подробнее см.: [Зленко, 2006].

Список литературы

- Абрамов, 1926 – *Абрамов И. С.* Из биографии наших краеведов. Памяти забытого краеведа А. С. Афанасьева-Чужбинского // Краеведение, 1926. Т. 3, № 2. С. 263–264.
- Аксаков, 1991 – *Аксаков И. С.* Письма из провинции. М.: Правда, 1991. 541 с.
- Аксаков, И. Записка о бессарабских раскольниках – *Аксаков И.* Записка о бессарабских раскольниках. / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=280730&p=1> (дата обращения: 06.05.2022).
- Аксаков, 1994 – *Аксаков И. С.* Письма к родным (1849–1856). Серия «Литературные памятники». Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с.
- Анучин, 1890 – *Анучин Д. Н.* Сани, ладыя и кони как принадлежности похоронного обряда: [с 44 рисунками в тексте]: Археолого-этнографич. этюд. М.: Тип. и словолит. О. О. Гербек, 1890. 146 с.
- Афанасьев-Чужбинский, 1893 – *Афанасьев-Чужбинский А. С.* Поездка в Южную Россию. Ч. II. Очерки Днестра / Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского). Под ред. П. В. Быкова. Т VIII. Второе, вновь пересмотренное и исправленное. СПб., 1893. 420 с.
- Бабилунга, 2010 – *Бабилунга Н. В.* «Голосование ногами» населения Бессарабии в 1940 г. – реальный референдум // Русин, 2010, № 1(19). С. 19–31.

- Вельтман 1831 – *Вельтман А. Ф.* Странник. 1831 / [Электронный ресурс]. URL: // https://librs.net/lread_163635 (дата обращения: 17.05.2021).
- Воспоминания Горчакова, 1931 – Воспоминания В. П. Горчакова. В кн. Цяловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. Москва: Мир, 1931. 384 с.
- Географическо-статистический словарь Российской империи, 1862 – Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. Составил по поручению Императорского русского географического общества действительный член общества Семенов П. П. СПб., 1862. 727 с.
- Глинка, 2001 – *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. 391 с.
- Горленко, 1988 – *Горленко В. Ф.* Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX столетия. Киев, 1988. 212 с.
- Грек, 2002 – *Грек И. Ф.* Почему немолдаване не знают молдавского языка? // Независимая Молдова, 2002, 18 января.
- Зашук, 1862 – *Зашук А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч. I. Бессарабская область: СПб.: Тип. Э. Веймара. 1862. 582 с.
- Зашук, 1862а – *Зашук А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Ч. 2. СПб.: Тип. Э. Веймара. 1862. 264 с.
- Зашук, 1863 – *Зашук А. И.* Этнография Бессарабской области // ЗООИД. Т. 5. Одесса, 1863. С. 491–586..
- Зеленчук, 1979 – *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. 287 с.
- Зленко, 2006 – *Зленко Г. Д.* Накко Ольга Єгорівна // Енциклопедія Сучасної України: електронна версія [веб-сайт] / гол. редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк та ін.; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2006. / [Электронный ресурс]. URL: https://esu.com.ua/search_articles.php?id=71755 (дата обращения: 12.05.2022).
- Дараган, 1849 – *Дараган Н. М.* Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XI. Ч. 3. Бессарабская область. СПб.: Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849. [4], 162, 90 с., [35] л. табл.
- Долгий, Феля, 2018 – *Долгий А., Феля А.* Отражение этнической принадлежности и происхождения коренного населения Бессарабии в источниках Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Materialele Conferinței „Patrimoniul cultural: cercetare și valorificare“, 27 septembrie 2018. Culegere de studii. Chișinău: Editura UPS „I. Creangă“. С. 22–46.
- Доманицький, 1910 – *Доманицький В.* Про Буковину та життя буковинських українців (з малюнками). Товариство „Просвіта“. Київ, 1910, № 35. 76 с.

- Ижболдина, 2012 – *Ижболдина И.* «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв.: исследования и материалы. Кишинев: Civitas, Б. и., 2012. С. 284 с.
- Кассо, 2013 – *Кассо Л. А.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 2013. 230 с.
- Корнилович, 1899 – *Корнилович С. И.* Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившейся по Высочайшему повелению, размежевания земель оной на участки с 1812 по 1828 гг. Аккерман, 1899. 524 с.
- Коцюбинський М. Пе-коптьор – *Коцюбинський М.* Пе-коптьор. Ляйпціг, б. д. «Українська надія». / [Электронный ресурс]. URL: https://uk.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D1%82%D1%8C%D0%BE%D1%80._%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB_%D0%B2%D1%96%D0%B4_%D1%87%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%8F._%D0%92%D1%96%D0%B4%D1%8C%D0%BC%D0%B0/%D0%9F%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D1%82%D1%8C%D0%BE%D1%80
- Кузьменко, 1967 – *Кузьменко С. И.С.* Нечуй-Левицкий в Кишиневе (по архивным материалам) // Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи [Текст] : [Сборник статей] / АН Молдав. ССР. Ин-т языка и литературы. Ред. коллегия: И. К. Вартичан и др. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. С. 171 – 176.
- Курдиновский, Ф. В. Д. 800 – *Курдиновский В.* Легенды Бессарабии (рукопись) // Институт рукописей ЦНБ НАН Украины им. Вернадского. Ф. В. Д. 800.
- Кушниренко, 1990 – *Кушниренко В. Ф.* «В стране сей отдаленной...»: Летопись жизни А. С. Пушкина в Бессарабии и связанных с ним событий с 20 сентября 1820 г. по 16 июля 1824 г. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. 327 с.
- Липранди, 1866 – *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний // Русский архив. Историко-литературный сборник. М., 1866. С. 1031–1046.
- Лукьянец, 1886 – *Лукьянец О. С.* Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1986. 112 с.
- Материалы для военной географии и статистики России, 1863 – Материалы для военной географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. Ч. 1. Составитель Генерального штаба подполковник А. Шмидт. СПб., 1863. 632 с.
- Морозан, 2018 – *Морозан В.В.* Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX века. СПб.:
- Дмитрий Буланин (ДБ), 2018. Т. I, II. 616; 592 с.
- Мохов, 1978 – *Мохов Н. А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. 131 с.
- Наулко, 1965 – *Наулко В. I.* Етнічний склад населення Української РСР. Київ, 1965. 136 с.

- Пирожкова, 1991 – *Пирожкова Т. Ф.* Вступительная статья // Аксаков И. С. Письма из провинции. М.: Правда, 1991. С. 5 – 25.
- Пушкин, 1947 – *Пушкин А. С. Е. А.* Баратынскому. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817—1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – 1947. 607 с.
- Пыпин, 1891 – *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. II. СПб., 1891. 428 с.
- Реєнт, 2008 – *Реєнт О. П.* Українсько-білоруські взаємини у ХІХ – на початку ХХ ст.: процес становлення // Український історичний журнал. Київ: Інститут історії НАНУ, 2008. Вип. 1(478). С. 161–169.
- Россия, 1910 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Под ред. В. П. Семенова; под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского; [Предисл. В. Семенова]. СПб.: А. Ф. Девриен, 1899–1914. С 5-го т.: под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. рук. П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского. Т. 14: Новороссия и Крым: [Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии, области Войска Донского и Ставропольской губернии]. Сост. Б. Г. Карпов [и др.]. 1910. VIII, 983 с.
- Русская литература Молдовы, 2003 – Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (ХІХ – начало ХХІ вв.). Библиографический словарь-справочник. Под науч. ред. проф. В. И. Клименко. Кишинев: Inessa, 2003. 624 с.
- Советская историческая энциклопедия, 1965 – Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 7, 1965. С. 89 – 90.
- Стати, 2002 – *Стати В.* История Молдовы. Chişinău: S. n., 2002. 480 с.
- Стати, 2007 – *Стати В. Н.* Папа – рус, мама рус – а Иван – молдаван. Молдавская этнонимика в трудах русских авторов // Русин, 2007, № 3(9). С. 15–35.
- Трубачев, 1896 – *Трубачев С.* Аксаков Иван Сергеевич. Русский биографический словарь. Т. I. Под ред. А. А. Погодина. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. С. 97–100.
- Трубецкой, 1990 – *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии. 6-е изд., перераб. и доп. Кишинев: Литература артистикэ, 1990 / [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/mesta/trubeckoj-pushkin-v-moldavii/6-cygany.htm> (дата обращения: 28.08.2021).
- Франко, 1983 – *Франко І.* Олександр Степанович Афанасьєв-Чужбинський // Зібрання творів у п'ятидесяти томах. Літературно-критичні праці 1911–1914. Т. 39. Київ, 1983. С. 23 – 30.
- Хантингтон, 2003 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Ю. Новикова]. М.–СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
- Kardiner, 1945 – *Kardiner A.* The psychological frontiers of society. N. Y., 1945. 476 p.

References

- Abramov 1926 – Abramov I. S. Iz biografii nashih kraevedov. Pamyati zabytogo kraevedu A. S. Afanas'eva-CHuzhbinskogo // Kraevedenie, 1926. T. 3, № 2. S. 263–264.
- Aksakov 1991 – Aksakov I. S. Pis'ma iz provincii. M.: Pravda, 1991. 541 s.
- Aksakov I. Zapiska o bessarabskikh raskol'nikah – Aksakov I. Zapiska o bessarabskikh raskol'nikah. / [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=280730&p=1> (data obrashcheniya: 06.05.2022).
- Aksakov 1994 – Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym (1849–1856). Seriya «Literaturnye pamyatniki». Izdanie podgotovila T. F. Pirozhkova. M.: Nauka, 1994. 653 s.
- Anuchin 1890 – Anuchin D. N. Sani, lad'ya i koni kak prinadlezhnosti pohoronogo obryada: [s 44 risunkami v tekste]: Arheologo-etnografich. etyud. M.: Tip. i slovolit. O. O. Gerbek, 1890. 146 s.
- Afnas'ev-CHuzhbinskij 1893 – Afnas'ev-CHuzhbinskij A. S. Poezdka v YUzhnuyu. Rossiyu. CH. II. Ocherki Dnestra / Sobranie sochinenij A. S. Afnas'eva (CHuzhbinskogo). Pod red. P. V. Bykova. T VIII. Vtoroe, vnov' peresmotrennoe i ispravlennoe. SPb., 1893. 420 s.
- Babilunga 2010 – Babilunga N. V. «Golosovanie nogami» naseleniya Bessarabii v 1940 g. – real'nyj referendum // Rusin, 2010, № 1(19). S. 19–31.
- Vel'tman 1831 – Vel'tman A. F. Strannik. 1831 / [Elektronnyj resurs]. URL: // https://libs.net/lread_163635 (data obrashcheniya: 17.05.2021).
- Vospominaniya Gorchakova 1931 – Vospominaniya V. P. Gorchakova. V kn. Cyalovskij M. A. Kniga vospominanij o Pushkine. Moskva: Mir, 1931. 384 s.
- Geograficheskoe-statisticheskij slovar' Rossijskoj imperii, 1862 – Geograficheskoe-statisticheskij slovar' Rossijskoj imperii. T. 1. Sostavil po porucheniyu Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva dejstvitel'nyj chlen obshchestva Semenov P. P. SPb., 1862. 727 s.
- Glinka 2001 – Glinka YA. V. Odinnadcat' let v Gosudarstvennoj Dume. 1906–1917. Dnevnik i vospominaniya. M., 2001. 391 s.
- Gorlenko 1988 – Gorlenko V. F. Stanovlenie ukrainskoj etnografii konca HVIII – pervoj poloviny XIX stoletiya. Kiev, 1988. 212 s.
- Grech 2002 – Grech I. F. Pochemu nemoldavane ne znayut moldavskogo yazyka? // Nezavisimaya Moldova, 2002, 18 yanvarya.
- Zashchuk 1862 – Zashchuk A. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. CH. I. Bessarabskaya oblast': SPb.: Tip. E. Vejmara. 1862. 582 s.
- Zashchuk 1862a – Zashchuk A. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast'. CH. 2. SPb.: Tip. E. Vejmara. 1862. 264 s.
- Zashchuk 1863 – Zashchuk A. I. Etnografiya Bessarabskoj oblasti // ZOOID. T. 5. Odessa, 1863. S. 491–586..
- Zelenchuk 1979 – Zelenchuk V. S. Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX v. (Etnicheskie i social'no-demograficheskie processy). Kishinev: SHTiinca, 1979. 287 s.

- Zlenko 2006 – Zlenko G. D. Nakko Ol'ga Egorivna // Enciklopediya Suchasnoï Ukraïni: elektronna versiya [veb-sajt] / gol. redkol.: I. M. Dzyuba, A. I. ZHukovs'kij, M. G. ZHeleznyak ta in.; NAN Ukraïni, NTSH. Kiïv: Institut enciklopedichnih doslidzhen' NAN Ukraïni, 2006. / [Elektronnyj resurs]. URL: https://esu.com.ua/search_articles.php?id=71755 (data obrashcheniya: 12.05.2022).
- Daragan 1849 – Daragan N. M. Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii: izdavaemoe po Vysochajshemu povelениyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo SHtaba. T. XI. CH. 3. Bessarabskaya oblast'. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo SHtaba, 1849. [4], 162, 90 s., [35] l. tabl.
- Dolgij, Felya 2018 – Dolgij A., Felya A. Otrazhenie etnicheskoj prinadlezhnosti i proiskhozhdeniya korenного naseleniya Bessarabii v istochnikah Rossijskoj imperii (XIX – nachalo HKH vv.) // Materialele Conferinței „Patrimoniul cultural: cercetare și valorificare“, 27 septembrie 2018. Culegere de studii. Chișinău: Editura UPS „I. Creangă“. S. 22–46.
- Domanic'kij 1910 – Domanic'kij V. Pro Bukovinu ta zhittya bukovins'kih ukraïnciv (z malyunkami). Tovaristvo „Prosvita“. Kiïv, 1910, № 35. 76 s.
- Izhboldina 2012 – Izhboldina I. «ZHivaya starina» v proizvedeniyah russkih literatorov Bessarabii konca XIX – nachala XX vv.: issledovaniya i materialy. Kishinev: Civitas, B. i., 2012. S. 284 s.
- Kasso 2013 – Kasso L. A. Rossiya na Dunae i obrazovanie Bessarabskoj oblasti. M., 2013. 230 s.
- Kornilovich 1899 – Kornilovich S. I. Statisticheskoe opisanie Bessarabii, sobstvenno tak nazyvaemoj ili Budzhaka, s prilozheniem general'nogo plana ego kraja, sostavlennoe pri grazhdanskoj s"emke Bessarabii, proizvodivshejsya po Vysochajshemu povelениyu, razmezhevaniya zemel' onoj na uchastki s 1812 po 1828 gg. Akkerman, 1899. 524 s.
- Kocyubins'kij M. Pe-kopt'or – Kocyubins'kij M. Pe-kopt'or. Lyajpcig, b. d. «Ukraïns'ka nadiya». / [Elektronnyj resurs]. URL: https://uk.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D1%82%D1%8C%D0%BE%D1%80._%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB_%D0%B2%D1%96%D0%B4_%D1%87%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%8F._%D0%92%D1%96%D0%B4%D1%8C%D0%BC%D0%B0/%D0%9F%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D1%82%D1%8C%D0%BE%D1%80
- Kuz'menko 1967 – Kuz'menko S. I.S. Nechuj-Levickij v Kishineve (po arhivnym materialam) // Moldavsko-russko-ukrainskie literaturnye i fol'klornye svyazi [Tekst] : [Sbornik statej] / AN Moldav. SSR. In-t yazyka i literatury. Red. kollegiya: I. K. Vartichan i dr. Kishinev: Kartya moldovenyaske, 1967. S. 171 – 176.
- Kurdivovskij F. V. D. 800 – Kurdivovskij V. Legendy Bessarabii (rukopis') // Institut rukopisej CNB NAN Ukrainy im. Vernadskogo. F. V. D. 800.

- Kushnirenko 1990 – Kushnirenko V. F. «V strane sej otdalenoj...»: Letopis' zhizni A. S. Pushkina v Bessarabii i svyazannyh s nim sobytij s 20 sentyabrya 1820 g. po 16 iyulya 1824 g. Kishinev: Literatura artistike, 1990. 327 s.
- Liprandi 1866 – Liprandi I. P. Iz dnevnika i vospominanij // Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik. M., 1866. S. 1031–1046.
- Luk'yanec 1886 – Luk'yanec O. S. Russkie issledovateli i moldavskaya etnograficheskaya nauka v XIX – nachale XX v. Kishinev: SHtiinca, 1986. 112 s.
- Materialy dlya voennoj geografii i statistiki Rossii 1863 – Materialy dlya voennoj geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Hersonskaya guberniya. CH. 1. Sostavitel' General'nogo shtaba podpolkovnik A. SHmidt. SPb., 1863. 632 s.
- Morozan 2018 – Morozan V.V. Bessarabiya i ee dvoryanstvo v XIX – nachale XX veka. SPb.:
- Dmitrij Bulanin (DB), 2018. T. I, II. 616; 592 s.
- Mohov 1978 – Mohov N. A. Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda. Kishinev: Kartya moldovenyaske, 1978. 131 s.
- Naulko 1965 – Naulko V. I. Etnichnij sklad naselennya Ukraïns'koï RSR. Kiïv, 1965. 136 s.
- Pirozhkova 1991 – Pirozhkova T. F. Vstupitel'naya stat'ya // Aksakov I. S. Pis'ma iz provincii. M.: Pravda, 1991. S. 5 – 25.
- Pushkin 1947 – Pushkin A. S. E. A. Baratynskomu. Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 2, kn. 1. Stihotvoreniya, 1817–1825. Licejskie stihotvoreniya v pozdnejshih redakciyah. – 1947. 607 s.
- Pypin, 1891 – Pypin A. N. Istoriya russkoj etnografii. T. II. SPb., 1891. 428 s.
- Reent 2008 – Reent O. P. Ukraïns'ko-bilorus'ki vzaemini u XIX – na pochatku XX st.: proces stanovlennya // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. Kiïv: Institut istorii NANU, 2008. Vip. 1(478). S. 161–169.
- Rossiya 1910 – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkih lyudej. Pod red. V. P. Semenova; pod obshch. ruk. P. P. Semenova i V. I. Lamanskogo; [Predisl. V. Semenova]. SPb.: A. F. Devrien, 1899–1914. S 5-go t.: pod red. V. P. Semenova-Tyan-SHanskogo i pod obshch. ruk. P. P. Semenova-Tyan-SHanskogo i V. I. Lamanskogo. T. 14: Novorossiya i Krym: [Bessarabskaya, Hersonskaya, Tavricheskaya i Ekaterinoslavskaya gubernii, oblasti Vojska Donskogo i Stavropol'skoj gubernii]. Sost. B. G. Karpov [i dr.]. 1910. VIII, 983 s.
- Russkaya literatura Moldovy 2003 – Russkaya literatura Moldovy v licah i personaliyah (XIX – nachalo XXI vv.). Bibliograficheskij slovar'-spravochnik. Pod nauch. red. prof. V. I. Klimenko. Kishinev: Inessa, 2003. 624 s.
- Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya 1965 – Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. V 16 tomah. M.: Sovetskaya enciklopediya. 1973–1982. T. 7, 1965. S. 89 – 90.
- Stati 2002 – Stati V. Istoriya Moldovy. Chişinău: S. n., 2002. 480 s.
- Stati 2007 – Stati V. N. Papa – rus, mama rus – a Ivan – moldavan. Moldavskaya etnonimika v trudah russkih avtorov // Rusin, 2007, № 3(9). S. 15–35.

- Trubachev S. Aksakov Ivan Sergeevich. Russkij biograficheskiy slovar'. T. I. Pod red. A. A. Pogodina. SPb.: Tip. I. N. Skorohodova, 1896. S. 97–100
- Trubeckoj 1990 – Trubeckoj B. A. Pushkin v Moldavii. 6-e izd., pererab. i dop. Kishinev: Literatura artistike, 1990 / [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/mesta/trubeckoj-pushkin-v-moldavii/6-cygany.htm> (data obrashcheniya: 28.08.2021).
- Franko 1983 – Franko I. Oleksandr Stepanovich Afanas'ev-CHuzhbins'kij // Zibrannya tvoriv u p'yatidesyati tomah. Literaturno-kritichni praci 1911–1914. T. 39. Kiïv, 1983. S. 23 – 30.
- Hantington 2003 – Hantington S. Stolknovenie civilizacij. Per. s angl. YU. Novikova]. M.–SPb.: AST, 2003. 603 s.
- Kardiner 1945 – *Kardiner A.* The psychological frontiers of society. N. Y., 1945. 476 p.